

ДАНА АРНАУТОВА
ЕВГЕНИЯ СОЛОВЬЕВА

The book cover features a dramatic illustration. In the foreground, a young man with dark, wavy hair and a light-colored shirt plays a large, ornate stringed instrument, possibly a baglam or a similar traditional instrument. Behind him, a muscular man with light hair and a beard, wearing a brown leather vest, holds a large battle-axe over his shoulder. In the background, a woman is engulfed in a massive, bright orange and yellow fire, her form partially visible through the flames. The setting is a rugged, mountainous landscape with green hills and a blue sky. The overall tone is epic and fantastical.

КОРОЛЕВА ТЕНЕЙ

Клинком и сердцем

ТОМ 2
КНИГА 2

ИДДК

Королева Теней

Евгения Соловьева

Клинком и сердцем. Том 2

«ИДДК»

2020

Соловьева Е. С.

Клинком и сердцем. Том 2 / Е. С. Соловьева — «ИДДК»,
2020 — (Королева Теней)

«Клинком и сердцем» – фантастический роман Даны Арнаутовой и Евгении Соловьевой, второй том второй книги цикла «Королева Теней», жанр романтическое фэнтези, приключенческое фэнтези. Аластор, последний принц крови, и Айлин, приемная дочь Претемной госпожи, продолжают путь по землям, разоренным тварями из запределья. Их спутники – смертельно проклятый наемный убийца и умертвие волкодава. Чтобы спасти Дорвенант, Айлин готова принести себя в жертву. Но кое-кто готов бросить вызов и смерти, и Барготу, чтобы спасти саму Айлин. Когда надежды больше нет, удержать на краю пропасти могут лишь вера, любовь и отвага.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Дана Арнаутова, Евгения Соловьёва
Королева Теней. Книга 2
Клинком и сердцем. Том 2

Возрастные ограничения 16+

© Арнаутова Дана, Соловьёва Евгения

© ИДДК

* * *

Глава 1

Право на решение

– Ал? – растерянно спросила Айлин, явно не понимая, в чём дело.

Зато Фарелли отлично понимал! И без того бледный, он словно посерел и бросил отчаянный взгляд на сумку, так и стоявшую в углу, потом перевёл его на Аластора, чуть подался вперёд, но промолчал – и правильно сделал! Аластор и не думал рыться в чужих вещах! Но разбухший от воды конверт словно сам подвернулся под руку, ещё и запечатан не был. То ли удивительная небрежность, то ли одна из тех случайностей, что бывают лишь в авантюрных романах... Да какая теперь разница? Аластор думал, что будет мучиться стыдом, заглянув в чужие бумаги просто из любопытства, а получилось, что это ещё как стоило сделать!

– Помнишь, я искал карвейн? – ответил он подруге, стараясь, чтобы голос звучал ровно и бесстрастно, как положено лорду. – Кроме него в сумке синьора Фарелли обнаружились любопытные документы! Подорожная и свидетельство об отпуске. На имя лорда Фаррелла, лейтенанта королевской гвардии! Печать, насколько я могу судить, подлинная. И если это не подделка, то мне очень хотелось бы знать, кто вас послал за нами? Лорд Бастельеро? Или... лорд-канцлер?

Последняя мысль пришла ему в голову только сейчас, и Аластор даже изумился собственной недогадливости. А ведь и в самом деле, стоит вспомнить, как они познакомились! Да чтобы простой итлийский шпион дерзнул бросить вызов людям лорда Аранвена?! А вот если он сам из тайной службы, то его отвага более чем понятна. И какой безупречный расчёт! Они с Айлин просто обязаны были проникнуться горячей благодарностью к спасителю, так оно и случилось! А ещё...

Он замер, вспомнив сумасшедшую скачку из Мервиля – сразу в сторону фраганской границы, и как итлиец уверенно заявил, что всем им нужно попасть в Керуа. А ведь они с Айлин ни словом не обмолвились о цели путешествия! Почему, ну почему он не заметил этого уже тогда?!

Аластор глубоко вдохнул, отгоняя злость не то на Фарелли, не то на хитроумного канцлера, не то на себя – доверчивого глупца, и мрачно взглянул на итлийца.

– Ну так что? Кому вы служите?

Отведя взгляд от него, Фарелли отчаянно посмотрел на Айлин. В другом случае Аластор бы ему даже посочувствовал – должно быть, очень неприятно оказаться бесчестным человеком в глазах леди! – но только не теперь! И неужели этот хитрец рассчитывает на её заступничество?! На миг Аластору показалось, что лицо Айлин дрогнуло, но лишь на миг! И Фарелли тоже это увидел.

– Я служу королеве Беатрис, – прошептал итлиец едва слышно. – Клянусь, грандсиньор, её величество не желает вам зла! – торопливо повысил он голос. – Напротив! Меня наняли, чтобы помочь вам в вашей миссии, в чём бы она ни заключалась!

– Королеве? – ошеломлённо переспросил Аластор. – Что за чушь? Зачем её величеству...

Он осёкся, не успев спросить, зачем королеве спасать какого-то бастарда. Незачем Фарелли видеть его растерянность! Итлиец беспокойно шевельнулся под толстым одеялом.

– Её величество не... не посвящала меня в свои планы, но... Грандсиньор, поверьте, я говорю правду! Всеми Благими и Странником клянусь! – отчаянно добавил он, снова поднимая жёлто-зелёные кошачьи глаза на Аластора.

Вместо обычной насмешливой любезности в них плескался... страх?

Аластор невольно вспомнил дону Раэна и их общие шутки насчёт легенд о Страннике. Вечер у костра, непривычное и странное, но приятное чувство близости, почти дружбы с незна-

комыми до этого людьми. А потом – утро, вьюгу, обжигающий холод замёрзшей реки, бешеную скачку... Беспокойный сон на полу избушки, потому что единственная лавка была занята больным... Заложенный перстень наследника!

Нет, Аластор ни на минуту не пожалел о своём решении. Да, он заложил бы перстень снова, если бы это понадобилось! Но ведь человеку королевы достаточно было пойти в городской магистрат и получить там любую нужную сумму! А теперь получается, что срезанный кошелек, наглая улыбка менялы, унижение... всё это было никому не нужно?!

– Теперь клянётесь? – с горечью бросил он. – Когда я уличил вас во лжи? Чтоб вам пусто было, Фарелли, я ведь вам поверил! Даже считал вас... – и осёкся.

Зачем итлийцу знать о его дурацкой доверчивости и наивности? Аластор ведь заботился о нём не просто как о беспомощном попутчике, случайно оказавшемся на их с Айлин попечении. Аластор за него переживал! И не как за слугу, которым Фарелли предложил себя считать, а как лорд – за своего человека! Пусть и временного, но вассала.

– Что именно приказала вам королева? – холодно спросил он, и Фарелли вжался спиной в стену, не отводя взгляда от лица Аластора. – Какого рода помощь вы должны были оказывать? Лорды Бастельеро и Аранвен об этом знают?

– Понятия не имею, – очень тихо сказал Фарелли, едва шевеля губами. – Сами посудите, грандсиньор, откуда мне знать, с кем её величество обсуждает свои дела? Мне было приказано догнать вас, напроситься в отряд и охранять вас от любых опасностей. А потом, когда вы исполните... свою миссию, я должен позаботиться, чтобы вы вернулись в Дорвенну как можно быстрее и безопаснее. Это всё!

– И с людьми канцлера вы не сговаривались?!

– Нет! Ни в коем случае! – возмутился итлиец вроде бы искренне. – Просто увидел удобный случай оказать вам услугу! И ведь оказал же... – добавил он вкрадчиво.

– Исключительно в своих интересах, – отрезал Аластор. – Кстати, вы действительно дворянин? Я никогда не слышал о Фарреллах. Если ошибаюсь, и вы не самозванец, готов принести вам извинения, но только в этом!

– Я простолюдин, грандсиньор, – спокойно отозвался Фарелли, только в его взгляде Аластору снова почудилась тревога. – И представился вам настоящим именем. Те документы... Печать на них действительно подлинная, из королевской канцелярии, а вот имя – фальшивое. На случай сложностей с городскими властями. И по личному разрешению её величества.

– Всё равно самозванец, – буркнул Аластор. – Хотя... ладно, при мне вы дворянский титул не присваивали, так что забудем об этом. Кстати...

У него вдруг ещё сильнее испортилось настроение, хотя только что казалось, будто это невозможно.

– Почему вы зовёте меня грандсиньором? Её величество рассказала?

– О вашем настоящем происхождении? – бесстрастно и очень осторожно уточнил итлиец. – Да, грандсиньор. И я прошу прощения за прошлую дерзость, когда называл вас недостаточно почтительно. Мои глубочайшие извинения, ваше высочество...

Он склонил голову, и Айлин глубоко вздохнула, словно в воздухе хижины что-то непонятно изменилось, когда прозвучали эти слова.

Аластор бросил на неё извиняющийся взгляд. Подруга была спокойна, однако смотрела с тревогой. Больше того, она крутила на пальце магический перстень, а это – Аластор заметил – всегда было у Айлин признаком особого волнения. Но почему? Переживает, что рядом с ними всё это время ехал человек королевы? Да, противно сознавать себя обманутым, но Айлин здесь ни при чём, это Аластору следовало быть осторожнее!

– Что ж, всё понятно, – уронил он по-прежнему холодно и тяжело. – Я благодарен её величеству за любезность, но свои дела предпочитаю улаживать сам. И о своей безопасности

беспокоиться – тоже. Можете ей так и передать, когда вернётесь в Дорвенну. Я смотрю, лихорадка у вас уже прошла?

Серый, как холщовое полотно, итлиец плотно сжал губы, но не возразил. Аластор на миг почувствовал укол совести, но тут же велел себе прекратить эти глупости. В тёплом доме с запасом дров и еды Фарелли будет куда легче поправиться, чем в дороге. А им пора ехать! И так задержались... И он продолжил, всё равно почему-то чувствуя себя мерзавцем:

– На всякий случай, лекарства ещё остались, припасами тоже поделимся, лошади ваши в полном порядке. Советую отлежаться пару-тройку дней перед дорогой. Можете заехать в Шермез, если желаете, но город удивительно пакостный, а для одинокого путника даже опасный. Впрочем, вам бояться нечего. В крайнем случае предъявите подорожную, – не удержался, чтобы не съязвить, Аластор.

С каждым его словом итлиец всё шире открывал глаза, а его лицо стало вдруг таким беззащитным и обречённым, что Аластору показалось – того и гляди Фарелли забьётся в дальний угол сторожки, прижмёт уши, зажмурится, в общем, проделает всё, что делал обычно Паскуда в ожидании справедливого возмездия за очередную кражу. Но если на кухарку эти несчастные глаза действовали просто магически, то Аластор обман спускать не собирался! И нечего думать, что он бросает беспомощного человека!

Память услужливо, но очень не вовремя подсунула мысль, что придётся оставить итлийцу палатку, а без неё им с Айлин придётся туго. Ну да, и без шамьета, без грибного супа с шалфеем, без тёплой воды для умывания... Ничего, как-нибудь обойдутся! Купят всё необходимое в следующем городе! Память предательски и с явным злорадством напомнила, что почти все деньги ушли в Шермезе, а закладывать больше нечего. Что ж, Аластор что-нибудь придумает! Но ехать с наёмником королевы, мало ли чем он поклялся в чистоте своих намерений – это подвергать Айлин неоправданному риску! Если на самом деле у Фарелли приказ избавиться от королевского бастарда, когда дело будет сделано, он и свидетельницу не пощадит!

И тут к его невероятному изумлению Айлин шагнула вперёд.

– Ал, перестань, – проговорила она тихо, но твёрдо. – Синьор Фарелли не обязан был говорить нам о... своём поручении. Каждый имеет право на тайны.

Аластор замер, подавившись следующей фразой и напрочь забыв, что хотел сказать. Айлин застывает за этого... этого... лжеца? Недостойная лорда обида стала ещё горше, в грудь как будто сунули горящий уголь!

Он сглотнул ставшую вдруг вязкой слюну, мысленно посчитал до десяти – не хватало ещё сказать Айлин что-нибудь, предназначенное прохвосту Фарелли! – и рявкнул:

– На тайны – имеет! Но синьор Фарелли солгал, а я не готов путешествовать с тем, кому не могу доверять. Это же... это хуже, чем путешествовать с врагом! От врага хотя бы не ждёшь ничего, кроме пакостей, а лжец... лжец даже доброй памяти не стоит, и не важно, почему он лгал! – выкрикнул Аластор и осёкся, увидев, как смертельно побледнела Айлин и покачнулась, словно он её ударил!

Но почему? Уж она-то – сама искренность! Разве что... Разве что она вспомнила, как когда-то сказала ему, что она не леди? И никогда не называла имени рода? Но ведь это же совсем другое дело! Да чтоб ему, этому Фарелли, всё из-за него! Нужно извиниться как можно скорее!

– Айлин, – пробормотал Аластор. – Я...

– Хватит, Ал, – бесконечно устало откликнулась подруга. – На кого бы ни работал этот человек, нам он действительно помог. Мы оба обязаны ему жизнью – помнишь тот грибной супчик! Если бы синьор Фарелли хотел причинить нам вред, ему достаточно было промолчать и не есть вместе с нами. А ещё он поклялся Благими и Странником. Ты думаешь, наёмник, чья жизнь зависит от удачи, оскорбит Странника ложной клятвой? Если даже у её величества и есть какие-то... планы на тебя, она ими займётся после твоего... нашего возвращения в Дорвенну.

А лично я так далеко даже не заглядываю! И если уж на то пошло, мы тоже лгали, помнишь? В Мервиле!

«Но это совсем другое! – беспомощно подумал Аластор. – Мне бы и в голову не пришло называться чужим именем, если бы канцлер и Бастельеро не пытались нам помешать! Да я и не назывался, просто молчал. Правда, Айлин пришлось врать за нас обоих. Но ведь ради благого дела, не для выгоды! А Фарелли... Впрочем, если бы я узнал, что он – человек королевы, позволил бы ему ехать с нами? Разумеется, нет! И палатка бы не помогла...»

И всё же эти в высшей степени благоразумные рассуждения никак не могли заглушить обиду! На Фарелли, с такой лёгкостью его обманувшего, на Айлин, которая защищает этого прохвоста, а больше всего – на себя самого!

– Я не стою вашей доброты, прекрасная синьорина, – прозвучал из-за спины Айлин тихий голос итлийца, звучащий почему-то с такой искренней тоской, что у Аластора пробежали по спине ледяные мурашки. – Как и вашей снисходительности, грандсиньор, – перевёл он взгляд на Аластора. – Вы... разумеется, вы вправе не верить мне. Но я прошу... я молю вас, позвольте мне выполнить задание! Просто служить вам, как и раньше, охранять вас и вашу спутницу – большего я не прошу. Ну чем ещё мне поклясться, что я не желаю вам зла, грандсиньор? Разве что Барготом осталось!

Аластор невольно фыркнул – и вдруг поверил. Да, возможно, это было глупостью, о которой он ещё пожалеет! Но итлиец им в дороге очень пригодится, от этого никуда не денешься. И если Айлин ему доверяет... Да что там, даже Пушок позволяет этому пройдохе себя гладить! Может, Фарелли не так уж плох?

Выдержав несколько мгновений, он мрачно сообщил, скрестив на груди руки и словно отсекая от себя всё, что было раньше:

– Учтите, Фарелли, я вам всё равно не доверяю.

– Понимаю, грандсиньор, – поспешно склонил голову итлиец с полным смирением. – То есть, простите, ваше высочество.

– Нет уж! – яростно выдохнул Аластор, наконец дав выход накопившемуся раздражению. – Можете ехать с нами, но не смейте звать меня высочеством! Я не принц! И не желаю слышать напоминания о том, что я бастард! Лорд Вальдерон или синьор Вальдерон – как вам угодно. Но никаких чужих титулов! Это даже не самозванство, а хуже!

Он замолчал, и в сторожке словно сгустилась тишина. Айлин молча смотрела на него, и Аластор возненавидел бы себя, оказался в её взгляде хотя бы тень жалости. Но там было лишь... одобрение. «Она отказалась от рода в двенадцать лет, – вспомнил он. – Её отец погиб, и Айлин нашла в себе силы отказаться от тех, кого считала чужими людьми. Она точно поймёт меня и не осудит».

– Пойду займусь лошадьми, – буркнул он, всё-таки стыдясь этой вспышки. – Их почистить надо, накормить!

И выскочил во двор, чувствуя себя невозможным глупцом и одновременно понимая, что с души только что свалился огромный камень. Как же сложно бывает с людьми, даже самыми близкими, не говоря уже о незнакомцах. Он едва не обиделся на Айлин, подумать только! И как знать, не обидел ли её чем-то сам? И из-за кого? Из-за шпиона королевы, который втёрся к ним обманом! Но... он ведь и правда уже успел однажды спасти их с Айлин от глупой, отвратительной смерти. Можно ли довериться наёмнику, который поклялся Благими и Странником? Разве не может человек подобного ремесла оказаться клятвопреступником? Запросто!

Но как не поверить человеку, с которым ты делил последний кусок сухаря – его сухаря, между прочим! Человеку, которому ты вернул долг жизни... И никакие боги не могут подсказать, что нужно делать! И больше нет рядом ни отца, ни месьюра, рядом с которыми так легко было слушаться мудрых наставлений.

Как там говорил дон Раэн, передав совет через Айлин? Теперь всё нужно решать самому! И отвечать за последствия этих решений – тоже. И помнить, что твоим близким людям тоже придётся отвечать за них вместе с тобой.

Аластор привалился к столбу, на который опиралась крыша маленькой конюшни, пристроенной к сторожке. Искра тут же потянулась мордой к его карману, ничего не учуяла и разочарованно всхрапнула. Аластор погладил ей шею, почесал между ушами... Хорошо быть лошадкой – просто слушайся хозяина. Нет, не хорошо – легко. Думать не надо... А человеку – надо! И чем выше ты себя считаешь, тем больше на тебе ответственности. Ну вот, разве не этого он сам пожелал тем вечером у костра? Дон Раэн, конечно, никакой не Странник, не ходят боги по земле вот так запросто. Но иногда, говорят, слышат желания людей... И уж если решают выполнить, то от души. Лишь бы потом не пожалеть о том, чего нажелал.

– Не пожалею, – тихо сказал Аластор фыркаящей ему в плечо кобыле. – Сам всё решу и сам за всё отвечу.

* * *

Как и обещал Райнгартен, список подходящих претендентов на пост магистра Синей гильдии оказался у Грегора на следующее утро после разговора. Пять имён, напротив каждого идеальным почерком перечислены заслуги. Какие-то открытия, эксперименты, многолетняя работа на благо гильдии... Грегор ничего не понимал в артефакторике, и всё это было для него пустым звуком. Он бы предпочёл краткое описание личных качеств самих претендентов, но подозревал, что даже запроси такое – оно окажется бесполезным. Очень уж по-разному они с Этьеном Райнгартеном оценивают людей.

Впрочем, два имени из пяти он, присмотревшись, вычеркнул сразу. Артефактор Мидлоу оказался Клариссой Гвендолин Доротеей. Длинный послужной список сообщал, что мэтресса Мидлоу двадцать три года преподавала в Академии, создала несколько новаторских методов чего-то, что используется ещё для чего-то, написала два учебника по основам артефакторики, всецело одобренных учёным советом Синего факультета. Но женщина – глава гильдии? Хватит с Академии магистрессы Уинн!

Нет, Грегор вовсе не считал, что женщины не способны заниматься наукой! Следовало признать, что среди магесс встречаются талантливые исследователи и прекрасные наставницы. На Зелёном факультете женщин и вовсе большинство, Милосердная Сестра любит одаривать силой именно их. По духовному сродству, не иначе. Но чтобы руководить гильдией, нужны истинно мужские свойства характера, которые у женщин встречаются, к счастью, редко. Уинн, к примеру, была исключением, и определённо не счастливым, а наоборот. Поэтому пусть мэтресса Мидлоу и дальше пишет учебники, раз у неё к этому призвание, оставив руководство гильдией мужчинам. Странно, что Райнгартен вообще включил её в список.

Вторым именем, по которому прошла жирная чернильная черта его пера, стало имя мэтра Тобиаса Ворминга, единственное, перед которым не стоял дворянский титул. Да, оно тоже сопровождалось перечнем достижений, но какой смысл отдавать место магистра простолюдину, если есть целых трое не менее достойных его дворян?

А вот над оставшимися Грегор задумался всерьёз.

Ни лорда Колина Морвилла, ни лорда Стефана Эмберстоуна он лично не знал, а лорда Нормана Истервинга встречал при дворе несколько лет назад, но мельком и не составил о нём никакого определённого мнения. Вообще ему часто казалось, что артефакторы сродни сказочным гномам – скрытны и трудноуловимы, вечно сидят в своих шахтах, то есть лабораториях, и на людях показываются редко. Конечно, это впечатление вряд ли было верным. Всё равно, что сказать, будто некроманты предпочитают общество покойников и редко покидают кладбища

и склепы. Но как, скажите на милость, выбрать из троих равно безразличных ему людей всего одного? Разве что побеседовать с ними лично? Да, это определённо должно помочь...

Однако стоило ему попросить Райнгартена вызвать претендентов, как оказалось, что Морвилл и Истервинг уехали в свои поместья, а Эмберстоун выполняет срочный заказ гильдии стихийников и тревожить его в ближайшую неделю крайне нежелательно. Райнгартен даже принёс извинения за это, сообщив, что работа Эмберстоуна связана с недавними событиями в Академии, и Грегор счёл это вполне уважительной причиной. Больше того, он всерьёз склонился к кандидатуре Эмберстоуна, который не сбежал из столицы, а честно выполняет долг перед Орденом, но решил отложить окончательный выбор до личного разговора. К тому же Райнгартен клялся, что через три-четыре дня артефактор будет в полном распоряжении Архимага.

Вот так и получилось, что несколько дней Грегор занимался совершенной рутинной. Подписывал документы, которые ему приносил Этьен, добросовестно прочитывая каждый и не находя решительно ничего интересного. Бесчисленные ведомости, отчёты, сводки и счета валились на него лавиной, и Грегор с ужасом думал, что было бы, не приди он к соглашению с Райнгартеном, который чувствовал себя в них, как рыба в воде.

Против ожидания, канцлер его эти дни не тревожил, только прислал официальное поздравление с неофициальной припиской, что «в отношении известных особ не появилось никаких новых сведений». Грегор прочёл это и испытал смесь тоски и злорадства одновременно. Но больше всего в его душе было беспокойства. Молодой Вальдерон и Айлин Ревенгар как в воду канули, если уж их не могут отыскать люди Аранвена.

На третий день он до того устал от ожидания и страха за безумную девицу, что уехал домой, в особняк Бастельеро, заперся в кабинете, предупредив, что его ни для кого нет дома, и провёл полный ритуал призыва души Айлин. Разумеется, призвать живого человека невозможно, и Грегор был готов к последствиям в этом случае. Головная боль, слабость, неприятные ощущения – да какая разница! Зато он будет знать, что девица всё ещё жива. Что он сделает, если душа Айлин откликнется на призыв, Грегор даже думать боялся.

Но она не откликнулась. Грегор трижды повторил призыв, старательно, как адепт на экзамене! Потом велел подать карвейна и выглушил целую бутылку. Не ради восстановления сил, с этим у него сложностей не было, а просто чтобы хоть на несколько часов отрешиться от мучительной тревоги.

Однако карвейн сыграл с ним дурную шутку. Допив последний стакан, Грегор лёг спать, но вместо нормального сна провалился в хмельные беспокойные грёзы, в которых продолжал звать Айлин. То полным именем, как в призыве души, то просто как адептку.

– Ревенгар! – взывал он во сне, пробираясь через какие-то пустоши с травой по колено, перелезая через каменные стены, подозрительно напоминающие кладбищенские, проваливаясь по щиколотку в зыбкие болотистые поляны. – Ревенгар!

– Ну и что ты орёшь, Бастельеро? – послышался вдруг злой голос, который Грегор не смог сходу признать, но почему-то поёжился. – Это же надо, аж сюда доораться! Ну, докричался, дальше что?

– Ревенгар... – повторил Грегор безнадежно. – Айлин? Где ты?

– Айлин? – переспросил голос с непонятым выражением. – Какого Баргота ей здесь быть? Если ты, выползок могильный, не уследил за ней... Барготовых демонов тебе в глотку, Бастельеро! Три дюжины свернуть клубком и протащить до самой задницы! Айлин он здесь ищет! Пр-ротектор-р недоделанный... Только попробуй...

Голос ещё что-то рычал, стремительно удаляясь, будто между ним и Грегором росли всё новые прочные стены. А Грегор, наконец, узнал его, изнывая от стыда, но подумал, что всё это не более, чем сон. Ну не может некромант, пусть даже Избранный, докричаться до Садов без всякого ритуала, всего лишь напившись карвейна и непрерывно повторяя родовое имя. Хотя

определённая логика в этом кошмаре имела, конечно. Действительно, кто ещё мог откликнуться на имя «Ревенгар»? Да и в выражениях Дориан именно так не стеснялся бы.

Утром он проснулся с желанием убивать. В висках ломило, во рту пересохло, и стоял мерзопакостный привкус. А вышколенный камердинер на приказ принести соответствующий эликсир позволил себе изумлённо приподнять брови! Впрочем, мгновенно осознал свою ошибку, испарился и вернулся с нужным зельем. После холодной ванны Грегор пришёл в себя настолько, что счёл своё появление в Академии достаточно безопасным для окружающих.

Но карвейном решил больше не злоупотреблять. Только в крайних случаях, только для восстановления резерва! А то Малкольм тоже так начинал, наверное, от тоски... Ну это же надо! К другим с глубокого перепою зверь Перлюрен приходит, а ему, извольте видеть, Дориан Ревенгар чуть не явился!

В кабинет Архимага он вошёл хоть и не в лучшем расположении духа, но уже готовым к работе. Хмуро оглядел уже привычную стопку бумаг, словно по волшебству появляющихся на столе каждое утро, подтянул к себе верхнюю... И прислушался.

В примыкающем к кабинету помещении, где обычно сидели три секретаря пониже рангом, чем Райнгартен, слышались взволнованные голоса. Кто-то упорно добивался встречи с милордом Архимагом. Грегор поморщился. Видеть ему никого не хотелось, но, с другой стороны, хоть какой-то отдых от бумаг, не считая преподавания. Да и не всё же ему полагаться на Райнгартена?! Какой он глава Ордена, если не умеет решать вопросы самостоятельно.

– Пропустите! – велел он в переговорное устройство, соединяющее кабинет с малым секретариатом.

Почти сразу дверь распахнулась, и в его кабинет влетели сразу два знакомых Грегору мага. Причём оба – артефакторы! Первым оказался лорд Девериан, ещё более потрёпанный, чем помнилось, в откровенно потёртом камзоле и осунувшийся. Второй – тот самый мастер, что когда-то сделал чучело из умертвия Айлин Ревенгар. Как же его...

Грегор с некоторой неловкостью понял, что не помнит имени. А точнее – и вовсе его не знает. Да, вот именно для этого нужны секретари и заранее назначенные встречи, но что уж теперь...

– Милорд Архимаг! – по праву старшего, первым провозгласил пожилой артефактор и поклонился.

– Милорд Архимаг, – эхом повторил Девериан и приветствие, и поклон.

– Господа маги.

Грегор встал и вежливо вернул поклон.

– Чем могу служить? – поинтересовался он, снова опускаясь в кресло и жестом предлагая посетителям присесть.

– Этот мерзавец Райнгартен... – начал Девериан.

– Этот в высшей степени способный молодой человек, ваш заместитель... – прервал его старый артефактор.

Грегор невольно улыбнулся на «молодого человека» применительно к Райнгартену и подумал, что если совместить обе характеристики, то главу стихийников они опишут весьма верно.

– По очереди, господа, будьте любезны, – попросил он. – Милорд...

Он повернулся к старику, и тот без всякой обиды представился:

– Мэтр Гельсингфорц, милорд, к вашим услугам. – Курт Гельсингфорц.

«Не дорвенантец, – отметил Грегор. – Из северо-восточных княжеств, похоже. Либо он сам, либо родители... Впрочем, неважно».

– Так вот, милорд! – начал старый артефактор, подавшись в кресле немного вперёд и азартно блестя глазами.

Излагал он витиевато, чрезвычайно вежливо и вместе с тем с насмешливым злым остроумием, изящно прикрытым учтивыми оборотами. Грегор невольно вспомнил те самые семьдесят золотых, которые с него содрали «ради чести рода Бастельеро». Но сейчас дело было поинтереснее.

Оказывается, и у Девериана, и у Гельсингфорца случилась одинаковая беда. Во время нашествия демонов пострадали лавки с готовой продукцией и мастерские. То, что уцелело в лапах Барготовых тварей, разграбили добрые люди Дорвенны. Запасы дорогих ингредиентов, инструменты, уже готовый товар... Гельсингфорц вытащил из поясного кошелька лист бумаги, развернул его – и Грегор увидел длинейший список, куда, можно быть уверенным, вошла даже старая метла, которой подметали в лавке.

– А у вас? – поинтересовался он у Девериана больше от растерянности, указывая взглядом на документ чучельника.

– Могу составить по памяти, – сдержанно сообщил лорд. – Впрочем, он будет гораздо короче.

– Короче?! – возмутился Гельсингфорц. – Я не для того столько лет непосильным трудом наживал своё в высшей степени скромное состояние, чтобы пускать его на ветер! И тоже могу перечислить по памяти всё! Каждый напильник! Вы хоть понимаете, милорд Архимаг, насколько всё это дорого моему сердцу, я уж не говорю о кармане?! А ваш Райнгартен...

– Отказывает нам в положенных выплатах, – сухо прервал его Девериан.

Выступать в роли просителя, пусть и на законных основаниях, лорду явно претило, и Грегор его прекрасно понимал. Суть претензий он уже понял. У обоих артефакторов с их гильдией имелся договор, по которому в случае стихийного бедствия или нападения разбойников гильдия помогала пострадавшим мастерам восстановить лабораторию и мастерскую. Какие-то выплаты, оказывается, полагались и на лавку, довольно скромные, но Орден отказал даже в этом.

– А почему Орден, а не гильдия? – удивился Грегор. – Простите, господа, но я решительно не понимаю.

– Да потому что налоги, которые мы выплачиваем именно на эти цели, только проходят через гильдию, но оседают в казне Ордена, – сдерживая раздражение, пояснил Девериан. – Так же как у целителей, алхимиков, стихийников... Благие Семеро, Бастельеро! Вы что, никогда не работали на заказ?!

Грегор, который действительно ни разу в жизни не использовал дар именно таким образом, почти устыдился. Ему и в самом деле не приходилось зарабатывать некромантией. Соответственно, он понятия не имел, какие налоги в этом случае платятся и на какие цели они идут.

– Прошу прощения, милорд Архимаг! – сбавил тон Девериан, и его скулы слегка порозовели. – Я забылся...

– Пустяки, – бросил Грегор. – Так, но почему лорд Райнгартен не решил ваши сложности?

– Потому что, извольте ли знать, соответствующая часть бюджета Ордена истрачена, – хмыкнул Гельсингфорц. – Похороны, лечение, выплаты... И не торопитесь возмущаться, милорд! Мы с моим юным коллегой ни в коем случае не покушаемся на вдовый хлеб и лекарства для раненых детей. Имеем совесть и честь, знаете ли! Всё, что мы просили у лорда Райнгартена, это освобождение от налогов на этот год и перерасчёт их на будущий, пока не сможем восстановить мастерские, либо пока Орден не сможет выплатить нам компенсацию. Но нет же! Помочь нам купить новые инструменты Орден не может, зато проценты с каждого браслетика-наполнителя извольте отстегнуть! И никакой отсрочки!

Он продолжал возмущаться, а Грегор в упор смотрел на Девериана, которому было мучительно стыдно, и понимал, что по закону Райнгартен прав, но вот по чести и совести, как говорит старый артефактор, происходит изрядная мерзость. Он всё ещё помнил рассказ бывшего соученика о его семейных обстоятельствах, и, судя по виду Девериана, если что и изменилось,

то в худшую сторону. У Гельсингфорца наверняка не последний напильник украли, а если и так, старый артефактор найдёт, за что купить другой. Девериан, несмотря на невозмутимый вид, был на грани отчаяния.

А на столе Грегора отдельно от стопки остальных бумаг белел листок с пятью именами, из которых два он уже вычеркнул. Осталось три. Трое заслуженных мэтров, наверняка благонадёжных и почтенных, никогда не связывавшихся с незаконными заказами и сомнительными сделками. Не то, что Девериан, уличённый лично Грегором в продаже запрещённых артефактов. Лорд из Трёх Дюжин, который год спасающий семейную честь, вытаскивая из долгов брата-игрока, собирающий каждый грош на приданое дочерям.

Девериан, разумеется, тоже понимал, что Грегор всё помнит. Он отвёл взгляд, поднялся из кресла, плотно сжав губы, вздохнул, собираясь что-то сказать...

– Погодите, мэтр, – попросил Грегор Гельсингфорца. – Я всё понял. Во всяком случае, понял достаточно. Магистр Райнгартен прав, разумеется, но... Девериан, сядьте, сделайте милость! Извольте меня выслушать.

Он помолчал, глядя на застывших в креслах артефакторов, и продолжил:

– Орден действительно не может в данный момент выплатить вам компенсацию. Вопрос о налогах я лично обсужу с магистром Райнгартеном. Полагаю, это удастся решить в вашу пользу. Что до остального... Девериан, вы остались без мастерской, так? Полностью?

– На пепелище, – скупно уронил лорд.

– Ну и Баргот с ней, – сказал Грегор. Откинулся в кресле, посмотрел на изумлённого соученика и слегка улыбнулся. – Вы удивительно вовремя. Я как раз искал подходящего человека на должность магистра гильдии. Ваши коллеги никак не могут определиться с выбором, придётся мне сделать это за них. Сами понимаете, недовольных будет предостаточно. Однако на мою поддержку можете рассчитывать. Кстати, насколько я знаю, в Академии отличные мастерские, никто ещё не жаловался. Сейчас там изрядная разруха, но уж на это Райнгартен денег точно даст. Всё артефакторное крыло Академии в вашем полном распоряжении хоть сейчас, можете знакомиться с подчинёнными и приступать к работе. Разумеется, нужные документы я подпишу, как только их составят, а это будет в ближайшее время.

Снова помолчал, искренне наслаждаясь эффектом, и закончил:

– А если примете мой совет, я вам искренне рекомендую пригласить заместителем мэтра Гельсингфорца. Его авторитет, опыт и знания окажут вам бесценную помощь. К тому же, мэтр тоже временно остался без мастерской, так? Я готов утвердить его в должности, если вы примете моё предложение.

– Бастельеро... я...

Девериан привстал в кресле, растерянно глядя на Грегора. Его глаза заблестели, кровь бросилась в скулы ещё сильнее... И Грегор его прекрасно понимал. Вот так внезапно получить предложение, о котором Девериан даже мечтать не смел! Жалованье магистра гильдии – это далеко не пятнадцать золотых флоринов обычного преподавателя, а ведь даже их наставникам Академии хватает на достойную жизнь. Став магистром, Девериан сумеет пользоваться такими лабораториями и инструментами, о которых даже мечтать не мог!

– С вашего позволения, милорд Архимаг, мы согласны! – сообщил Гельсингфорц. – Я с удовольствием возьму на себя переговоры с милордом Райнгартеном. Полагаю, следует начать с пересмотра налоговой политики гильдии и утверждения бюджета на ближайшие несколько месяцев. Что вы там сказали, мастерские в плачевном состоянии? Этим следует заняться!

– Этим следует заняться в первую очередь! – возмутился Девериан, вставая. – Милорд Архимаг?

Он поклонился Грегору сдержанно, однако с должной почтительностью, и Грегор склонил голову в ответ.

– Желаю удачи, господа, – усмехнулся он вслед, но артефакторы вряд ли его услышали.

Размахивая руками и бурно обсуждая что-то, они выскочили из кабинета, а Грегор с огромным удовлетворением подвинул к себе список Райнгартена и зачеркнул оставшиеся имена. Да, заслуги этих претендентов достаточно велики... Но никто из них не пользуется в гильдии безусловным авторитетом, раз уж никого из них до сих пор не выбрали! Девериан, несмотря на своё бывшее плачевное положение и сложности с законами, человек чести. Именно такой глава нужен Синим. А старый пройдоха Гельсингфорц позаботится о благополучии гильдии, ну и себя со своим магистром вряд ли забудет.

Отличного расположения духа Грегору хватило надолго. И даже появление хмурого Этьена Райнгартена, заглянувшего в кабинет Архимага после обеда, это не изменило.

– Поздравляю с первым значительным решением, милорд, – съязвил стихийник. – Одного не понимаю, зачем тогда я занимался этим делом, тратил время? Вы отлично управились сами.

– Бросьте, Этьен, – примирительно хмыкнул Грегор. – Чем Девериан вам не по душе? Во всяком случае, он человек нашего круга, не простолюдин какой-то. И артефактор прекрасный, насколько мне известно. Ему не повезло в жизни, так отчего бы не восстановить справедливость?

– Благие Семеро, Грегор, – вздохнул Райнгартен, бросив взгляд на список претендентов, что так и лежал на столе. – Вы и в самом деле думаете, что я подбирал этих пятерых по научным заслугам? Как же вы до сих пор наивны! Я нашёл вам пять человек, любой из которых точно знал бы, кому обязан местом. Пять человек, способных на верность и признательность! Вам всего-то нужно было ткнуть в любое имя, и у вас был бы послушный голос в Совете гильдий. А Девериан непредсказуем. Сейчас, конечно, он вам благодарен, но характер... Думаете, я его не знаю? Да он давно мог бы гораздо лучше устроить свою жизнь, будь немного... поговорчивее! Ещё и этот его заместитель! Притащить в Академию старого Гельсингфорца! Грегор, да вы отвернуться не успеете, как весь Орден станет придатком к Синей гильдии! Особенно в отношении бюджета!

– Не думаю, – спокойно сказал Грегор, всё больше уверяясь, что поступил правильно. – Вы ведь не позволите этому случиться, правда, Этьен? А говорить о непредсказуемости после Адальреда и вовсе смешно, вам так не кажется? Несговорчивый Девериан – это как раз то, что нужно.

«А Гельсингфорц и вовсе бесценен, если уж ты сам его опасаясь, – закончил Грегор про себя. – По крайней мере, мне будет, кого расспросить о некоторых тонкостях финансовых дел Ордена. Да и тебе, дорогой Этьен, полезно понять, что я обещал всегда слушать твои советы, но не клялся всегда им следовать. Как бы то ни было, решать я всегда буду сам».

* * *

Бастардо вылетел за дверь, и Лучано возблагодарил всех Благих, что разговор, наконец, прервался. Ещё немного, и грандсиньор Вальдерон вполне мог додуматься до правильных вопросов, на которые Лучано уже не знал бы, как ответить. Может, ещё и додумается, кстати! Но пока что бастардо мешали злость, недостаток опыта и брезгливость, которую он явно испытывал к такому неблагородному делу, как допрос.

Однако обманываться внешней наивностью Вальдерона не стоит. В чём-то он, конечно, простодушен, однако явно из тех, кто быстро учится. Вот остынет на свежем – ещё каком свежем! – воздухе с любимыми лошадами, поразмыслит хорошенько, и кто знает, с чем вернётся? Хуже всего, если передумает и прогонит от своей сиятельной особы. Это в городе легко выследить кого угодно, а дорвенантские леса – неподходящее место для игры в прятки. Просто не получится следовать за этой парочкой так, чтобы они его не заметили. Вальдерон – опытный охотник, лес он знает куда лучше городского выкормыша Лучано. А ещё у него Пушок. И магесса, между прочим...

Лучано вздохнул и посмотрел в сторону печки, где рыжеволосая девица невозмутимо складывала очередную высохшую рубашку. Убрав её в сумку, она подложила в огонь пару поленьев и поставила на каменный верх печи глиняную миску, откуда потянуло травяным запахом. Ромашка, мята и душица? Ах да, она же говорила, что взяла его травы. А карвейн доставал бастардо. И надо же было ему наткнуться на эти клятые бумаги! Словно сам Баргот пошутил!

В другом случае Лучано непременно попробовал бы отговориться своей историей о поездке во Фрагану. Подумаешь, поддельные документы! Он шпион или кто, в конце концов? Ему такое просто по должности положено иметь! Но не сейчас. Эти двое уже слишком пуганая дичь, Вальдерон точно не позволил бы ехать с ним дальше... А уж если бы узнал про второе поручение!

Он снова посмотрел на синьорину Айлин, сосредоточенно мешавшую снятый с плиты отвар ложкой. Перегрела. Большинство ценных свойств улетучилось, это уже не лечебное средство, но горячего душистого питья всё равно хотелось.

Словно почувствовав его взгляд, девчонка разлила отвар по кружкам, глянула в окно, однако звать Вальдерона не стала, оставила его долю на крае очага. Лучано принял тёплую посудину из рук синьорины и благодарно склонил голову. Магесса присела на краешек лежанки и осторожно пригубила отвар.

«Здесь и стульев-то нет, – с лёгкой растерянностью подумал Лучано. – Вот это подобие кровати, рассчитанное на одного, да стол. Они что же, спали на полу?!»

Свёрнутые и уложенные возле стены плащи молчаливо подтвердили, что так оно и было. И, между прочим, бастардо к тому времени уже нашёл фальшивые документы!

Лучано сделал глоток и едва не поперхнулся, но не от горечи, а просто горло почему-то перехватило. Снова некстати вспомнились рубашки, которые благородная синьорина стирала вряд ли привыкшими к такой работе ручками. Нет, пальцы у неё изящные, но крепкие, Лучано сам видел, что поводья магесса держит уверенно, да и вообще неженкой её не назовёшь. Но это совсем другое!

Что мешало бросить его пропотевшую одежду куда-нибудь в угол, пока Лучано очнётся и сам сможет о себе позаботиться? Что мешало уложить его на полу, пусть даже на плащи и попоны? Он был болен? Ну и что? А она – дворянка! И далеко не захудалая, судя по всему! Вальдерон так вообще принц, хоть и отказывается от титула. Но эти двое уступили единственную лежанку ему, почти незнакомцу и совершенно точно простолюдину.

Он передёрнулся от странного едкого чувства и поднял взгляд, встретившись со спокойным взглядом магессы. Улыбнулся, стараясь, чтобы вышло достаточно легко, и с чувством сказал:

– Не знаю, как вас благодарить, прекрасная синьорина. Если бы не ваше великодушное заступничество...

– Вы, наверное, хотели сказать «предусмотрительное заступничество»? – усмехнулась магесса. – У нас договор, синьор Фарелли, помните?

– Разумеется, – кивнул Лучано. – И смею заверить, что по-прежнему в вашем распоряжении. Если, конечно, ваши планы...

– Не изменились, – бросила магесса. Заглянула в опустевшую кружку и вздохнула: – Это ужасное себялюбие с моей стороны, я знаю, но я так ждала, когда же вы придёте в себя. После вашего шамьета пить что-то другое решительно невозможно. Особенно такие... полезные травы.

И снова вздохнула. Лучано улыбнулся уже по-настоящему, от души, и попытался пригнуться, но в глазах сразу потемнело. Стиснув зубы, он свалился на постель и неловко пошутил:

– Боюсь, прекрасная синьорина, между полезным и вкусным выбор делать рановато.

– Осторожно! – Девчонка выхватила у него кружку, с тревогой глянула на облитые горячим отваром руки. – Не обожглись? Ну зачем вы так, я же просто сказала... Вам нужно ещё долго лежать!

– Долго не получится, – вздохнул Лучано. – Вряд ли синьор Вальдерон согласится на задержку.

– Я поговорю с Аластором. – Магесса схватила наживку так легко, что Лучано на миг даже устыдился. – Всё равно нам тоже придётся ждать, пока снег растает. Хорошо, что погодные аномалии нестабильны. – Она слегка смутилась и уточнила: – Это значит, что погода скоро изменится...

– Я понимаю, что такое нестабильность, синьорина, – снова улыбнулся Лучано. – Хотя я и профан, но воспитывался в доме мастера-зельедела. Он ставил очень много опытов с разными веществами.

– Как наши алхимики, да? – Девчонка вернула ему кружку, где плескалась ещё изрядная порция отвара, подтянула к себе колени и обняла их, уставившись на Лучано пронзительными зелёными глазами. – А у него тоже что-то вечно горело и взрывалось? И пахло ещё так...

Она поморщилась, и россыпь веснушек на носу и щеках вдруг бросилась в глаза особенно отчётливо. Словно на тонкий чинский фарфор брызнули мельчайшими каплями золота.

– Иногда бывало, – согласился Лучано и со вздохом доверительно признался: – Особенно в те дни, когда за колбами и перегонным кубом присматривал я.

Магесса прыснула совсем уж по-девчоночьи, и Лучано с содроганием спросил себя, где именно её величество Беатрис нашла в этой рыжей малышке сверхъестественную расчётливость и коварство? Ну котёнок же! Забавный пушистый котёнок! Только вот... Память немедленно подсунула, как эта девочка дурила северян в трактире. Как нашла единственно верные слова для разгневанного бастардо. И как торговалась с ним, Лучано, за собственную смерть.

Ну что за безумие! Не может ведь юная магесса быть единой в двух лицах?! Одновременно и наивной лапочкой, и бесстыжей, расчётливой интриганкой? Нет, не может. И сейчас он скорее поставил бы на то, что Беатрис ошиблась. Королева мерила поступки синьорины Айлин по себе, и ей в голову не могло прийти, что юная магесса не играет с мужчинами, а просто очаровывает их своей сущностью. Что там какие-то молодые лорды в Академии! Лучано снова поймал себя на том, что глядит на улыбку Айлин – и губы тянутся в ответной улыбке сами по себе. Это у него-то! Вот где настоящая магия без капли волшебной силы!

И всё-таки смутное беспокойство жгло внутри, не давая полностью расслабиться. Лучано вспомнил его источник и напрягся ещё сильнее.

– Могу ли я спросить, синьорина? – осторожно начал он. – От кого вы узнали о моём задании? Помнится, вы обещали дать ответ, когда грандсиньора Вальдерона не будет рядом...

– Обещала, – вздохнула магесса и отвела взгляд. Не так, словно собиралась соврать, а как будто ей было стыдно смотреть ему в глаза. Лучано ещё сильнее насторожился, у него даже холодок пробежал по спине. А рыжая магесса вмиг посерьёзнела. Показалось даже, что ей не семнадцать-восемнадцать, а намного больше.

– Вы ведь знаете, что я служу Претёмной Госпоже, – тускло и ровно сказала она.

Это был не вопрос, но Лучано всё равно кивнул.

– Маги неодинаковы по силе и умениям, – негромко продолжила девчонка, быстро глянув на него. – И по способностям – тоже. Одним некромантам особенно удаются проклятия, другим – работа с нежитью... А мой талант – видеть призраков. Мне даже не нужно призывать их для этого, понимаете? Я... просто вижу.

– Понимаю, синьорина, – напряжённо отозвался Лучано. – Претёмная Госпожа щедро вас одарила.

– Это правда, – спокойно согласилась синьорина Айлин. – Когда мы впервые встретились, я увидела призрака за вашим плечом. Это был... первый человек, которого вы убили. И сами понимаете, он не испытывал к вам тёплых чувств.

– Первый? – переспросил Лучано.

Тот купец, которого он добил на своём первом задании? Молчун Джузеппе промахнулся из арбалета, всадил мишени болт в плечо, и Лучано закончил дело ножом. Или... вообще кто-то из приюта? Драки там были кровавые, не все дети после них выживали...

Он старательно обманывал себя, отказываясь принять от памяти одно-единственное имя. То, которое никак не хотелось вспоминать. Ни имя, ни лицо, ни голос, ни прикосновения и запахи – будь оно всё разом проклято!

– Ваш мастер, – очень тихо и бесстрастно сказала магесса. – Алессандро Крема. С момента своей смерти и до недавнего времени он вас не покидал.

И снова отвела взгляд.

Лучано показалось, что воздух кончился, и чтобы снова его вдохнуть, пришлось потрудиться. Мастер Алессандро ходил за ним призраком? Все эти годы? Постоянно?! Алессандро был рядом, когда он делал свои первые зелья, дрался в казармах, убивал и занимался любовью, играл на лютне и валялся в кровати, глядя кошек? Этот... эта тварь видела всю жизнь Лучано?!

Его затошнило, а потом пришла крупная дрожь. Волной прокатилась по телу, словно вернулась простудная лихорадка, даже озноб оказался похожим. Лучано попытался собрать мысли, но они расплывались, как у пьяного. Ну да, если Алессандро был рядом, когда королева отдавала приказ, он это видел и слышал. И, разумеется, воспользовался случаем отомстить своему убийце! Сдал его магессе... Призраки не лгут, это всем известно! Алессандро сказал синьорине Айлин, что Лучано наняли для её убийства... Что ещё он ей сказал?!

– Так это мастер Крема вас предупредил? – выдавил он вслух, пытаясь говорить спокойно. – Наверное, ждал, что вы меня убьёте?

– Не совсем, – покачала головой магесса, старательно глядя мимо Лучано куда-то в стену. – Он пытался убедить меня, что вы мерзавец, недостойный даже капли доверия. Жестокый и подлый душегуб. Рассказал, что вы убили его, своего наставника, будучи ещё ребёнком...

Она поморщилась, расплела пальцы и потёрла ими виски, а потом продолжила тем же отвлечённо бесстрастным тоном:

– Но вашей смерти он не хотел. Совсем наоборот. Мастер Крема пытался украсть ваше тело, когда вы лежали в лихорадке. А я могла бы ему помочь или помешать, вот он и пытался заслужить моё расположение, а заодно представить вас порождением Баргота во плоти.

Её красивое тонкое лицо исказило отвращение, и магесса окончательно перестала казаться наивной и слишком юной. Лучано затошнило ещё сильнее, он даже поразился, что съел совсем немного бульона и желудок почти пуст. Алессандро рядом? Подобная мерзость в голове не укладывалась! Неужели мало было убить эту гадину, чтобы от неё избавиться?!

– А сейчас он...

– Нет-нет! – торопливо проговорила синьорина Айлин и посмотрела на Лучано с выражением, отвлечённо напоминающим сочувствие. – Я его упокоила. Не уверена, что синьора Крема ждут Претёмные Сады, но... на той стороне виднее. Главное, что здесь его больше нет, и никогда не будет.

– Совершенно с вами согласен.

Лучано попытался выдавить улыбку, но решил не позориться – гримаса получилась бы ещё та. Если поганый ублюдок Алессандро был достаточно откровенен, магесса знает... Всё она знает, можно не сомневаться!

Ему отчаянно захотелось выругаться погрязнее, а потом стиснуть зубы и влезть в самую середину бессмысленной и жестокой драки. Чтобы уворачиваться от ударов и самому бить, не думая. Чтобы выплеснуть боль, стыд и ярость, утопить их в чужой крови. И доказать неиз-

вестно кому, что больше никогда он, Лучано Фортунато Фарелли, не будет беспомощным и беззащитным...

В глазах потемнело. На миг показалось, что он опять провалился в реку и захлёбывается в ледяной чернильной воде, но на этот раз рядом нет ремня, за который можно ухватиться, а сверху – прочная снежная корка.

Он очнулся, почувствовав, что тёплые тонкие пальцы гладят его голову. Пересев поближе, магесса сидела рядом, легко и осторожно перебирая его встрёпанные волосы... И с каждым её прикосновением Лучано отпускало. Вот и дышать уже можно. Она его жалеет? Она – его? Своего будущего убийцу? Зная о нём всё, что мог рассказать Алессандро?

Он точно знал, что это нужно прекратить. Желательно так, чтобы синьорина не обиделась на его неблагодарность, но отстранилась, причём сама. Никто и никогда не жалел его! Ни в приюте, ни, тем более, в казармах Шипов. Мастер Ларци заботился – это правда, и иногда Лучано до смерти хотелось поверить, что мастер видит в нём не просто интересный эксперимент или даже своего преемника. Если он болел или был ранен, Ларци за ним ухаживал, но никогда Лучано не осмелился бы ждать от него такой бережной и мягкой ласки – с чего? Наверное, так матери гладят своего ребёнка. Или сёстры – любимых братьев... Лучано мог бы представить под нежной рукой синьорины Айлин растрёпанную светловолосую голову бастардо! Но ему, Шипу Фортунато, это зачем и за какие заслуги?!

– Что-то не так? – тихо спросила магесса, задерживая ладонь на его макушке. – Извините, я не хотела... Не хотела вас обидеть.

Лучано с чудовищным стыдом подумал, что после трёх дней лихорадки волосы у него – просто жуть. Грязные и слипшиеся от пота... Как ей не противно?! А потом испытал совершенно дикое и неправильное желание повернуться, перехватить и поцеловать эти ласковые пальцы. Так, как целовал руку своего мастера – с величайшим почтением и благодарностью. Да что же это, Претемнейшая?!

– О нет, – попытался он улыбнуться. – Всё... прекрасно. Я вам чрезвычайно благодарен, синьорина. За всё... А сейчас, если позволите, попробую встать...

– Да, конечно!

Щёки магессы заалели, и она отдернула руку, а потом, словно спохватившись, вскочила и принялась торопливо что-то делать у печи, старательно отвернувшись. Вот и правильно... Но у Лучано было ощущение, что из него только что выдернули огромную занозу. Вроде бы всё правильно, и теперь ничто не мешает, но всё равно больно.

Снова стиснув зубы, он спустил ноги с кровати и встал, слегка пошатываясь. Нечего разлёживаться, надо приходить в себя и восстанавливать силы. Вот сейчас он сходит по нужде, потом доберётся до сумки и наметает пару очень полезных снадобий в добавление к тому лекарству, которым его поили. Таких, чтобы уже завтра-послезавтра можно было сесть на лошадь. Мастер Ларци, правда, предупреждал не увлекаться подобным. Ничего, если понемногу и аккуратно, то можно...

Решить оказалось проще, чем сделать. Лучано натянул высохшие вещи, влез в сапоги и даже доковылял до двери, но стоило переступить порог – и в глазах опять потемнело. Он только и успел закрыть дверь за собой и прислониться к стене, пережидая приступ слабости.

Вывернувшийся откуда-то бастардо вцепился ему в плечо, заглянул в лицо и мрачно поинтересовался:

– Что, жить надоело? Какого Баргота на мороз без плаща?

– Да я только до ветру... – попытался улыбнуться Лучано и едва не захлебнулся воздухом, подозрительно похожим на ту проклятую речную воду.

– Так меня позвать надо было, – ещё мрачнее сообщил Вальдерон. – Идём, отведу.

Без лишних церемоний он подхватил Лучано под мышки, почти удерживая на весу, и то ли повёл, то ли понёс к дальнему углу двора, где угадывалась накрытая досками яма.

Несмотря на всю постыдность происходящего, Лучано едва не рассмеялся по-настоящему. Подумать только! Ну когда ещё довелось бы обниматься с самым настоящим принцем, пусть и незаконнорождённым? Расскажи кому дома – не поверят! Ладно, в объятия ещё поверили бы, мало ли какие у принца вкусы, но чтобы владетельный грандсиньор помогал слуге добраться до нужника?!

А ведь обидно! Такое плечо рядом с его щекой... В другое время Лучано не упустил бы возможности к нему прижаться, но сейчас ни на что нет сил. Штаны бы самому расстегнуть...

– Мои глубочайшие извинения, синьор, – проговорил он, добравшись до нужного места и сражаясь с гульфиком. – Я меньше всего хотел... как это на вашем языке... взвалить на вас тяготы...

– Вы себе льстите, Фарелли, – неожиданно усмехнулся бастардо. – Чтобы стать для меня тяготой, вам надо весить раза в два больше. И хватит уже извиняться. В том, что промокли и заболели, вы уж точно не виноваты. С любым из нас могло случиться.

Стоя в паре шагов, он дождался, пока Лучано справит малую нужду и застегнётся, а потом снова подставил ему плечо и отвёл обратно. Едва держась на дрожащих ногах, Лучано шёл и боялся только одного, как бы снова не свалиться в лихорадке и не наговорить в бреду лишнего.

Вдруг что-то мохнатое ткнулось ему в ладонь. Лучано опустил глаза и увидел, что Пушок подставил голову ему под руку и идёт рядом, словно предлагая опереться ещё и на него.

«Великолепно, – вздохнул он про себя. – Меня спас принц, которого я сам должен спасать и охранять. Меня выхаживает магесса, которую я должен убить. И даже мёртвая собака гораздо больше меня понимает в том, что происходит. Ну и что мне делать со всем этим?»

Глава 2

Огненный ветер

– Впереди должна быть деревня, – уверенно бросил Аластор, когда они миновали небольшой лесок и выехали на дорогу.

Это был ещё не королевский тракт, но дорога наверняка вела к нему, насколько помнила Айлин. Перед тем, как покинуть спасительную сторожку, они втроём долго рассматривали карту, определяя дальнейший путь. Шермез единогласно решили миновать, хотя Аластор так и не признался, что у него там случилось неприятного. Только буркнул, что в следующий раз он придет в этот городок с вооружённым отрядом, чтобы не было никаких неожиданностей.

– О! – просиял Фарелли и приподнялся на стременах, но ничего, конечно же, впереди не рассмотрел – гребень холма заслонял всё, кроме неба, такого беззаботно-голубого, как бывает только весной. – Не могу и сказать, как я обрадуюсь возможности снова переночевать под крышей!

– В лучшем случае – на сеновале, – буркнул Аластор, и Айлин укоризненно взглянула на него.

Вот зачем он так? Она тоже с удовольствием переночует под крышей, пусть даже и на сеновале. Да хоть с крысами, всё равно Пушок их переловит!

А сеньор Фарелли всего четыре дня назад впервые встал на ноги, ему ночевать в палатке точно вредно, даже если уговорить Пушка улечься на его одеяло. Конечно, итлиец из всех сил старался не показывать слабости, да и отлежался после такой лихорадки на удивление быстро, однако Айлин помнила, как мэтр Гилмор, ведущий у них основы целительства, рассказывал об опасностях рецидива.

Впрочем, итлиец вёл себя гораздо благоразумнее того же Саймона, к примеру. Честно допил привезённые Алом лекарства, добавляя к ним снадобья из собственной сумки, тепло одевался и держался как можно дальше от снега, пока тот не растаял. Удивительное терпение! Айлин вот не удержалась – в последний день перед выездом, когда снег уже начал таять, устроила с Аластором битву в снежки. Пушка потом пришлось сушить возле печки, его роскошная шерсть намокла и свалялась сосульками, зато как было весело! Фарелли же и носа на улицу не сунул, бедняга!

На самом гребне они остановили лошадей, по молчаливому уговору давая ещё недостаточно окрепшему Фарелли отдышаться и разглядывая крошечную, десятка в три домов, деревушку, лежащую внизу. Айлин деревушка показалась очень мрачной и бедной, то ли из-за домов, маленьких и тёмных, то ли потому, что совсем не было видно никакого скота. Соломенные крыши, потемневшие и даже издалека видно, что растрёпанные, пустые дворы...

Конечно, настоящая жизнь не похожа на то, что описывают в романах. Айлин и не ждала увидеть белоснежных овечек, похожих на облака, и нарядных пастушек, играющих на свирелях и танцующих с весёлыми пастухами. Но здесь было как-то слишком грязно и тоскливо! Аластор тоже смотрел на деревню без всякого удовольствия. Но какая разница? Они ведь не собираются остаться здесь надолго. Просто переночуют!

Аластор перехватил её взгляд и как-то виновато пожал плечами, предупредив:

– Нас могут не пустить ночевать. Даже за деньги. В Шермезе очень не любят приезжих, вряд ли здесь иначе. А мы к тому же выглядим совсем не как дворяне...

Это была чистая правда! За время путешествия Ал отрастил короткую бородку, став ещё сильнее похож на вольфгардца, и секиры это лишь подтверждали. Фарелли кутался в тёплый, но потёртый плащ из простого шерстяного сукна, да и саму Айлин только слепой принял бы за леди.

– Ничего! Вдруг всё-таки согласятся? – откликнулась Айлин с беззаботностью, которой на самом деле не чувствовала. Откуда-то появившаяся тревога заставляла сердце биться вдвое чаще, хотя ведь к этому не было ни одной причины. Даже если им и откажут в ночлеге – ничего страшного! – И вообще, если не пустят за деньги, может быть, согласятся на магические услуги? Вряд ли здесь водятся упыри, но я умею выводить крыс и мышей!

– Если нас и в самом деле пустят ночевать на се-но-вал, то ваши умения нам очень пригодятся, прекрасная синьорина! – так серьёзно заверил Фарелли, что даже Аластор не удержался от улыбки.

Айлин тоже хотела улыбнуться и не смогла – во рту вдруг стало кисло и горько, сердце сжалось, и её отчаянно замутило, так что пришлось поспешно зажать рот ладонью. Может быть, не стоило есть прихваченную из сторожки солонину? Но остальные, кажется, в порядке...

Затылок кольнуло множеством мелких иголок. Айлин всей кожей почувствовала нарастающее магическое напряжение, уже понимая, что дело вовсе не в солонине, и изумляясь, почему не сообразила сразу? Ведь она уже испытывала это чувство! Внизу, под холмом, разноцветно мерцал воздух, сгущаясь с каждым мгновением! Что ж, этого следовало ожидать? В Аласторе течёт кровь Дорвеннов, привлекающая демонов, и чистая удача, что Разлом ни разу не случился раньше, в пути! Но что же делать теперь?

«Портал ведь ещё не открылся, – беспомощно подумала она. – Может быть, получится ускакать? Если прямо сейчас поднять лошадей в галоп... ведь демоны не могут быть быстрее лошадей?!»

– Айлин? – услышала она обеспокоенный голос Аластора и трусливо зажмурилась.

Если только она предложит ускакать... оставить демонам беззащитную деревню, в которой, наверное, из оружия есть только вилы и серпы... Ал наверняка станет её презирать и правильно сделает! Как можно думать, что сумеешь кого-то спасти, если готова сбежать от первой же трудности?!

– Уезжайте, – пробормотала она, едва шевеля губами от страха и отчаянной злости на себя.

Нет, так нельзя, так Аластор точно ничего не поймёт, а ведь самая большая опасность грозит как раз ему!

Айлин заставила себя открыть глаза, бросила напряжённый взгляд на друга, который смотрел на неё внимательно и тревожно, и проговорила как можно спокойнее:

– Разлом. Он вот-вот откроется. Наверное, здесь ткань мироздания особенно тонкая, но это... сейчас неважно. Просто уезжайте. А я попробую их остановить...

Она слишком поздно сообразила, что нельзя было показывать неуверенность. Просто нельзя! Аластор мгновенно вскинулся, перевёл взгляд на деревню, потом снова на Айлин. И напряжённо уточнил:

– А если не сможешь? Они ведь тогда пойдут вниз? В деревню?!

– Я смогу! – отчаянно заверила Айлин, не чувствуя даже тени уверенности. – Ал, у нас лошади! Их в любом случае надо увести, иначе понесут. А вы... то есть мы...

– А мы должны сбежать, оставив тебя прикрывать и нас, и деревню, так? – недобро усмехнулся Аластор. Повернулся к итлийцу и велел, спрыгивая с Искры: – Фарелли, уводите лошадей. Это приказ.

Портал ослепительно вспыхнул, ткань мира дрогнула, и Айлин с неумолимой ясностью поняла две вещи. Аластор не уйдёт. Он просто не позволит ей остаться одной против того... того, что сейчас хлынет из портала и начнёт подниматься по склону холма. И они погибнут здесь вдвоём. Это если Фарелли послушается и уведёт лошадей, которых очень жаль, конечно, но...

И второе: им нельзя здесь умирать. Нельзя! Ни ей, ни Алу! Потому что тогда получится, что всё зря! Она, высокомерная самолюбивая дура, погубит и Аластора, и Дорвенант!

– Синьор Фарелли, вам неясно? – рявкнул Аластор, вытаскивая из петель притороченные к седлу секиры. – Быстро отсюда! Галопом!

– Совершенно ясно, синьор Вальдерон, – заверил его итлиец, тоже спешиваясь и расчехляя арбалет. – Но вы уж простите, я отвечаю за вашу жизнь, а не за наших прекрасных лошадок, сохрани их Всеблагая Мать. Никогда не дрался с демонами. Шпага, я так понимаю, против них бесполезна?

– Болван! – выдохнул Аластор, но Айлин не услышала в его голосе настоящей злости, только безнадёжность.

– Идиотго! – безмятежно поправил его Фарелли, снимая и цепляя на пояс кожаную сумку с арбалетными болтами. – Болваны – это у вас в Дорвенанте, а я всё-таки итлиец, предпочитаю родное наименование. Мне кажется, оно точнее и выразительнее. Хотя не смею настаивать из уважения к вам и прекрасной синьорине...

Не переставая болтать, он сноровисто взвёл небольшой арбалет, хищно блеснувший на солнце металлическими частями, наложил на него болт длиной примерно в локоть и приложил арбалет к плечу.

Портал разошёлся чудовищной прорехой во тьму, глубокую, чернильную. И оттуда посыпались изломанные силуэты, похожие то ли на причудливые тени, то ли на уродливые деревья, то ли вообще на вставших на задние лапы барсов с крокодильими мордами – они были далеко, но приближались с каждым ударом сердца. Их было много, сосчитать точно не удавалось, но, кажется, не меньше дюжины. Потом – двух дюжин. Трёх...

Откуда столько?! Она рассчитывала на несколько тварей, как в Зале Совета! А из портала в междумирье сыпались всё новые отродья Баргота. Мельче того, что она убила в Академии, но всё равно смертоносно сильные и быстрые!

На Айлин снова волной накатила дурнота, сердце забилося так, словно хотело сломать клетку рёбер и вырваться на волю, на лбу выступил ледяной пот. Ей захотелось оказаться где угодно, лишь бы как можно дальше отсюда. В безопасности!

Она выставила ладонь, сотворив щит, и магическая пелена замерцала вокруг них троих искристым куполом. «А мэтр Бастельеро сказал бы, что щит надо делать прозрачным, – мелькнула неуместная дурацкая мысль. – Но демонам всё равно. Хоть бы лошади успели убежать подальше!»

– Айлин,ними. Щитними, – уронил Аластор так спокойно, что она не сразу поняла, о чём это он. – Не трать на него силы. Мы с Фарелли всё равно с ними не справимся, даже под щитом. Их слишком много. Ты же боевой маг! Сделай с ними что-нибудь, ну!

Он стоял, выпрямившись, с двумя секирами в руках, а рядом замер бесстрастный Фарелли с арбалетом на плече. И это было так безнадёжно... Прекрасно и совершенно безнадёжно! Они трое против нескольких дюжин тварей, летящих от подножья вверх по склону.

– Я... – Голос Айлин предательски дрогнул. – Ал, я не могу! Я ещё не умею, мы не учили массовые заклинания! И даже если бы... Они требуют много магов, хотя бы двух, лучше – больше! Или долгой подготовки! Я не смогу! Я...

Она лепетала что-то, пытаясь объяснить и понимая, как жалко звучат эти оправдания. Ну какой она боевой маг?! Серьёзные заклятия, способные накрыть большую площадь, проходят с десятого курса! Не на шестом! Да, она была уверена, что справится! Но с двумя, тремя, да хоть с полудюжиной тварей! Не с этим жутким потоком, что приближается быстро, как в кошмаре, когда видишь, но не можешь убежать.

– Должна смочь! – рявкнул Аластор. В его лице не было ни кровинки, только глаза горели, как у безумца. – Внизу деревня! Там люди, ещё живые люди. Ты предлагаешь отсидеться в щите?! А потом, когда у тебя кончатся силы, что делать будем? Снимай щит и колдуй!

– Если я его сниму, мы умрём!

– Мы в любом случае умрём, но хотя бы не зря! Чем больше их положим, тем меньше останется! Может, сельчане отобьются! Да бей же! Давай, мы дадим тебе время!

И он шагнул вперёд, проламывая её щит. «Главное свойство любой магической пелены, – словно услышала Айлин скрипучий голос мэтра Денвера, – это разность её потенциалов, зависящая от направления. Иными словами, пробить её изнутри неизмеримо легче, чем снаружи...»

Время словно застыло. Айлин видела, как бежит по склону Аластор, останавливаясь на середине холма, куда вот-вот добегут первые демоны. Они бежали не толпой, а растянувшись, и это могло дать Аластору несколько драгоценных мгновений, но совсем мало. А она стоит и не знает, что делать!

Слева от неё раздался щелчок. Айлин увидела, как из первых трёх демонов, бегущих рядом, самый крупный заваливается и, кувыркаясь, улетает на несколько шагов вниз. Ещё мгновение, второе... И снова щелчок, а потом резкий короткий свист – и ещё один демон падает. Только сейчас она догадалась, что это арбалет итлийца, но посмотреть на него времени не было. Вот пара демонов прыгнула на Аластора – и захлебнулась собственным отвратительным визгом. Но ниже по склону спешили другие...

«Щит бесполезен, – в отчаянии подумала Айлин. – Аластор прав. Я не смогу держать его достаточно долго! «Могильная Плита»? Снесёт одного-двух, они слишком далеко друг от друга... «Прах веков»? Я одна, я просто не накрою весь холм! И «Гнев Претемнейшей» у меня не получается! Нет-нет, надо думать как боевик! Магистр Кристоф говорил, что демонов нужно жечь! Или отрубать голову... Огонь... «Огненный ветер»? Он требует подготовки! Надо найти силовые линии, привязать к ним заклятие, учесть ветер и особенности рельефа...»

Она лихорадочно вытаскивала из памяти всё, что знала об этом заклинании, одном из самых разрушительных в арсенале боевого мага. И очень, очень сложном! Даже не десятый курс, а одиннадцатый-двенадцатый... Выпущенная стихия нестабильна! Огонь легче всего создать, но управлять им почти невозможно! Она же не магистр! Даже не полноценный боевой маг.

«А там внизу сейчас умрёт твой... умрёт Аластор», – подумала она и подняла руки.

К Барготу направление ветра! Огонь пойдёт вниз, этого достаточно. Ограничимся переменной рельефа, самой приблизительной. К Барготу силовые линии! Ей не нужно выжигать несколько лиг, вот совсем не нужно! Там ведь ещё и деревня внизу!

Айлин плела что-то непонятное даже ей самой, кроила изначальный аркан, как безумная швея – кусок ткани, грубо выбрасывая одни элементы и подставляя другие. Перед её внутренним взором колыхалось марево из багровых, алых и золотых линий, не похожее ни на одну схему в учебнике, но жадное, готовое сорваться, разрастись и выйти из-под контроля.

«Ограничители! – подумала она в тошнотворном ужасе, не зная, чего боится больше, демонов или этого созданного ею чудовища. – Надо выставить ограничители. Магистр Кристоф говорил что-то про цепную реакцию!»

Жаль, что говорил он это не ей! Айлин только сидела на дереве рядом с окном аудитории, прячась от мэтра Денвера после очередной шалости. И все её знания об «огненном ветре» – обрывки чужой лекции! «А катализатором будет... Я не знаю, что в этом аркане катализатор! Я же залезла на дерево не в начале занятия!»

В отчаянии она подставила вместо катализатора «Могильную Плиту» – её хоть точно известно, как швырять! – и структура на удивление срослась. «А мэтры не говорили, что можно плести аркан из двух видов магии! Хотя... откуда им знать, они же не двойные звёзды! А можно, оказывается! Тогда и ограничители можно поставить от «Праха веков»! Ой, мамочка! Страшно-то как!!! А-а-а-а...»

Но вслух она вместо этого закричала:

– Ложись!

Её слышали все. И Аластор, бешено крутящийся в середине круга из оскаленных пастей и тянущихся лап. И Пушок, рвущий зубами тварь в два раза больше себя, покрытый месивом из чёрно-зелёной крови и внутренностей. И даже Фарелли, пригнувшийся и упавший на одно колено. Наверняка слышали и демоны – но не поняли.

Ал упал первым, пытаясь откатиться подальше. Мгновением позже рядом плюхнулся Пушок, и первая волна, тугая, сбивающая с ног, прошла у них над головами, отбрасывая тварей. Айлин едва не вывернуло, когда она поняла, что могло случиться. Промедли Ал – и его швырнуло бы в самую гущу демонов! Они были уже в нескольких шагах!

Но Аластор доверился её голосу – и сейчас лежал, закрывая голову руками, а над ним прокатилось и ушло дальше обманчиво медленное багровое марево с золотыми проблесками. Плотное, как «Могильная Плита», но сотканное из живого огня. На миг остановилось парой дюжин шагов ниже Аластора и Пушка и вспыхнуло, как самый огромный чинский фейерверк, только неизмеримо страшнее. А потом покатилося к подножью, стремительно набирая скорость, расплываясь по склону пеленой расплавленного золота.

Айлин закричала, но в ушах, перекрывая её собственный крик, стоял истошный визг умирающих демонов. Они успевали вскрикнуть совсем ненадолго, вспыхивая, как сухие сосновые щепки, которыми она в сторожке разводила огонь. Несколько мгновений их силуэты виднелись в жутком золотом потоке, а потом чернели и падали, рассыпаясь пеплом. «Только бы не на деревню, – стучало в ушах. – Я поставила ограничители. Я точно их поставила. Мамочка... Только бы до деревни не докатилось. Там ещё на лошадах с полчаса езды, не может заклятие уйти так далеко! Магистр Кристоф говорил, что с первого раза ни у кого «Огненный ветер» далеко не уходит... Но это же не он!»

Она рыдала, обхватив себя за плечи руками и сотрясаясь всем телом. И через бегущие слёзы видела, как поднимается Аластор, встав на одно колено. Как шевелится неподалёку от него уцелевший демон. За его спиной, так что Ал не видит! Как собирается в комок, готовится прыгнуть... и валится на землю с арбалетным болтом в уродливой голове.

– Синьорина... – слышала она словно сквозь пелену. – Синьорина, как вы?

Айлин застучала зубами, пытаясь что-то сказать. Бросив арбалет, Фарелли подскочил к ней, поддержал за плечи, но она вырвалась, вглядываясь вниз, туда, где ало-золотая волна прокатилась от подножья холма на пару сотен шагов и медленно погасла, словно уходя в почерневшую землю.

А потом Айлин поняла, что больше не слышит визга, зато в ноздри ей лезет жирный тяжёлый запах подгоревшего мяса. И её вывернуло остатками завтрака прямо под ноги, на побуревшую от недавнего мороза траву.

– Айлин... Айлин...

Её обнимал Аластор, говоря, что всё хорошо, всё закончилось. Айлин едва его слышала, в ушах шумело, ноги подкашивались от слабости.

Только сейчас она осознала, что не просто выложились полностью, а ещё и резерв из браслета Мэрли вычерпала. И сейчас пуста до донышка. Ни капли силы. И даже испугаться этому не получалось.

«А карвейн остался на лошадах, – подумала она, уплывая в беспамятство. – Ничего, Ал их поймает... Теперь можно, да?»

Пушок, бесцеремонно отталкивая Аластора, подлез к Айлин, прижался к ней лобастой головой, сунул морду ей в руки, и странным образом стало полегче, словно кто-то дал ей артефакт-накопитель. Айлин глубоко вздохнула и позволила себе обмякнуть в руках Аластора, уже не теряя сознание, а просто от слабости.

– Семеро Благих, Айлин! – слышала она восторженный голос друга. – Что это было?!

– А я не знаю, – призналась она и рассмеялась, но смех опять перешёл в слёзы. – Ал... ты живой...

Она уткнулась в его куртку, пахнущую гарью, но сейчас на свете не было ничего прекраснее этого запаха.

«Мы живы, – пришла простая и ясная мысль. – Мы все живы. И деревня спасена. И прямо сейчас всё хорошо. Пусть самое плохое случится потом, через несколько дней, когда доберёмся до Разлома, но не сейчас! Я справилась. Я сделала... ну, не «Огненный ветер», но что-то правильное, раз всё сработало. Лишь бы не пришлось это повторять! Совсем ничего не помню... Но я смогла! Значит... значит, не отступлю и потом, когда будет ещё страшнее...»

* * *

«А раньше я её не боялся, – пришла простая и ясная мысль. – Напрасно».

Юная магесса плакала в объятиях изрядно сконфуженного бастардо. Он гладил её по спине, уронив секиры на сырую тёмную землю, а несколькими шагами ниже прошла ровная, как по линейке отбитая граница гари.

Там земля запеклась от чудовищного жара, потрескалась на серые плиты, и лишь уродливые чёрные кляксы отмечали места, где испарились демоны. А ещё запах... Жирный густой дух, в котором смешались и вонь палёной плоти, и обычный дым от нескольких кустов, сгоревших уже далеко внизу, поэтому почти естественным образом.

«Вот тебе и милая рыжая девочка... – с удивившим его самого спокойствием подумал Лучано. – Жуть какая... И как она это сделала? Разве некроманты умеют управляться с огнём? Хотя откуда мне знать наверняка? А теперь вот плачет. Почему? Она ведь нас всех спасла, да и эту несчастную деревню заодно. Там никто и понять не успел бы, что случилось. А если бы даже сообразили вовремя, то это же крестьяне! Над ними небо рушиться начнёт, а они кинутся выводить коров из хлева и собирать горшки. Точно всех сожрали бы! Ну и чего, спрашивается, синьорина Айлин рыдает? Не демонов же ей жалко?!»

Он ещё раз осмотрел выжженную пустыню, ища взглядом драгоценные арбалетные болты. Быстро сообразил, что искать надо в тёмных пятнах: демоны полыхнули все разом, и ещё живые, и те, кого он успел подстрелить. А вот тот, который чуть не вцепился бастардо в спину, был близко, поэтому сгореть не успел, только обуглился слегка, и болт торчал из уродливой башки, поблёскивая на неярком весеннем солнце.

Вздыхнув, Лучано спустился по склону, собрал отвратительно закопчённые болты, решив отмыть их при первой же возможности, и, вернувшись наверх, остановился у последнего. Подёргал, упираясь носком сапога в тушу, но болт накрепко застрял в черепе. Ну и кость! Как у быка!

– Дайте я...

Несмотря на отменный рост и завидное телосложение, Вальдерон подошёл тихо, словно кот. Конечно, не настолько тихо, чтобы подобраться незамеченным к Шипу, но всё-таки для дворянина это странно. Ладно бы опытный наёмник или бретёр! Но чтобы грандсиньор, причём юный и вряд ли бывавший в боях, так владел своим телом?

Лучано поднялся, уступая место, Вальдерон склонился, дёрнул почти небрежно, череп демона хрустнул – и болт из него вылетел.

– Моя искренняя благодарность, – склонил голову Лучано, принимая злополучную железку. – Надеюсь, вы не испачкались?

– Больше, чем до этого? – мрачно уточнил дорвенантец. – Не думаю.

Его куртку в самом деле покрывали пятна крови и сажи, светлые волосы потемнели, даже лицу досталось – чёрно-серые полосы на щеках подчеркнули заострившиеся скулы, словно грим у неопытного актёра в уличном балагане.

Лучано испытал острое томительное желание взять влажный платок, подойти поближе, как можно ближе, и... Но тут же опомнился – ещё чего не хватало! Здесь ему точно ничего не

светит... наверное. Во всяком случае, ни одного по-мужски заинтересованного взгляда гранд-синьора на свою персону он ни разу не поймал. Всё больше раздражённые или просто хмурые. Вот как сейчас.

– Я так понимаю, – с опасной мягкостью начал Вальдерон, – мои приказы для вас ничего не значат?

Этого только не хватало! Лучано про себя вздохнул и вознёс краткую молитву неизвестно кому о даровании разума одному не в меру гордому дворянину. Который изволил вспомнить, что приказывал ему бежать, прикрыв это заботой о лошадях. Спору нет, лошадей Вальдерон обожает, но вот стоит на миг представить, что Лучано послушался бы... А потом вернулся в Дорвенну и сообщил королеве Беатрис, что вместо самого бастардо спас и привёл его лошадку. Нет, правда, Вальдерон это всерьёз?! И что теперь делать?!

– Я готов повиноваться любым вашим приказам, – очень серьёзно и почтительно ответил Лучано, глядя прямо в голубые холодные глаза. – Если это не помешает моему первому поручению от её величества. Полагаю, грандсиньор знает, что такое долг и честь?

В глазах цвета весеннего неба мелькнула растерянность, потом – понимание. А потом Вальдерон глянул на болт в руках Лучано, на лежащего демона... Бастардо явственно передёрнуло, и он процедил, отводя пристальный взгляд:

– Полагаю, что да. Примите мою благодарность, синьор Фарелли. Если бы не вы...

– О, пустое! – торопливо махнул рукой Лучано. – Нам обоим следует благодарить прекрасную синьорину Айлин! Если бы не её несравненный дар!

– Да, кстати! – спохватился Вальдерон, явно радуясь перемене темы. – У вас карвейна не найдётся? Мой в сумке, а лошадей надо ловить.

Лучано с готовностью достал из-за отворота куртки маленькую фляжку, которую после болезни взял за правило носить с собой. В этом их Дорвенанте неизвестно, когда понадобится глотнуть согревающего. А уж после боя – сам Пресветлый Воин велел! Ничего странного, что Вальдерону захотелось выпить, Лучано и сам не отказался бы прополоскать рот, чтобы хоть немного перебить привкус гари, так и витающий в воздухе. Но ладно уж, обойдётся!

Однако бастардо пить не стал. Благодарно кивнув, он вернулся на вершину холма и протянул фляжку магессе, зябко обхватившей себя руками за плечи. Лучано только успел подумать, как бы девица не обожгла горло – ведь наверняка не привыкла к такому крепкому пойлу...

Синьорина улыбнулась Вальдерону, взяла флягу и преспокойно выпила стакан с лишним карвейна. В несколько глотков! Как воду! И даже не закашлялась, только улыбнулась опять, а потом признательно поглядела в сторону онемевшего от изумления Лучано. Ничего себе у них тут благородные девицы! Старый боцман в портовом кабаке позавидовал бы!

Наверное, что-то такое отразилось у него на лице, потому что улыбка синьорины стала смущённой, а бастардо очень укоризненно сказал:

– Это не то, что вы думаете, Фарелли. Маги пополняют карвейном свою силу. Айлин очень много её потратила.

– Разве я осмелился подумать что-то недостаточно восхищённое?! – изумился Лучано. – Грандсиньорина была великолепна!

Почтительный титул слетел у него с губ сам собою, и уже вслед Лучано подумал, что совершенно в этом прав. Если девица умеет творить такое... такое... А она всего лишь адептка! На что же тогда способны её учителя, да и просто полностью обученные маги?!

По спине пополз холодок. Лучано вдруг испугался намного сильнее, чем несколько минут назад, когда глядел с вершины холма на приближающихся тварей. Там была опасность незнакомая, но понятная. Целься и стреляй, как на тренировке. Если подбегут близко – дерись, пока не умрёшь, и постарайся обойтись врагам как можно дороже. Ничего, в сущности, нового.

Но из больших зелёных глаз магессы, мило заплаканных и даже сейчас наивных, смотрело что-то такое, чему он не мог дать названия. Смерть? Неизвестность? Судьба?

Девчонка шмыгнула носом – и пугающее очарование рассеялось. Только холодная дрожь ещё раз прокатилась по телу, и Лучано вспомнил старую примету. Это кто-то прошёлся по его будущей могиле.

– Если бы здесь был мэтр Ладечки! – вздохнула Айлин и запустила пальцы в шерсть Пушка, рассеянно перебирая посеревший от пепла загривок. – Или мэтр...

Она осеклась, и Лучано без труда понял, какое имя юная магесса проглотила. Мэтр Бастельеро, разумеется, её наставник. Да уж!

– Лучше не надо, – прямодушно уронил бастардо, который тоже всё понял. – Между Бастельеро и демонами я пока что предпочитаю демонов. Их убивать можно. А вообще, пойду-ка я поищу лошадей. Иначе до вечера не доберёмся в эту несчастную деревню, Баргот её...

И тоже осёкся. В другое время Лучано посмеялся бы про себя над таким сходством упоминаний Проклятого и грандсиньора Бастельеро, но сейчас на шуточки что-то не тянуло.

– Благодарю за карвейн, синьор Фарелли, – негромко, но очень искренне сказала магесса, когда бастардо ушёл на другую сторону холма ловить разбежавшихся в испуге лошадей. – Это было очень кстати. Только, пожалуйста, не зовите меня грандсиньориной. Я отказалась от титула и больше не высокородная леди. Просто Айлин – этого вполне достаточно.

– Ну, если благородный синьор Вальдерон не будет против... – начал Лучано.

Изумрудные глаза гордо сверкнули, магесса выпрямилась в струнку, чуть откинула назад голову, будто под тяжестью толстых медных кос, и тоном, подобающим самой что ни на есть грандсиньорине, заявила:

– Я люблю и уважаю моего друга Аластора! Он мне как родной брат! Но решения относительно своего круга общения принимаю сама. И о том, кому и как позволено ко мне обращаться, тоже! Мы с вами вместе были в бою! Так что я для вас – Айлин! Если, конечно, у вас нет иных возражений, кроме этикета.

– Не смею спорить, – поклонился Лучано. – Но только, если вы тоже окажете мне эту честь.

Магесса просияла, словно где-то внутри неё зажёгся фонарь. И как это у неё получается? Лучано снова поймал себя на невольной ответной улыбке, но тут вернулся Вальдерон, уже верхом и ведя в поводу остальных лошадей. Гнедые сестрички шли ровно, как по нитке, и в сторону выжженной земли косились почти равнодушно, зато белая арлезийка фыркала и танцевала, дёргая головой, выгибая шею и всем видом показывая, как ей страшно и противно.

– Вернёмся в Дорвенну, приглашу стихийника и попрошу зачаровать её, – озабоченно сказал Вальдерон. – Как-то раньше не подумал, что тебе нужна лошадь с армейской выучкой.

– Благодарю, Ал! Прекрасная мысль! – с такой искренней лёгкостью отозвалась магесса, что Лучано на миг усомнился, не приснился ли ему тот памятный разговор, что синьорина Айлин вовсе не собирается возвращаться.

А она тем временем вскочила в седло и глубоко вздохнула, оглядывая холм с высоты. Тихо проговорила что-то непонятное. Лучано только понял про какие-то ограничители, которые следовало ставить совсем иначе. И первой тронула свою кобылу, нервно косящуюся на чёрные пятна.

Пушок, до этого смирно сидевший у ног магессы, потрусил рядом, ничуть не смущаясь, что сам теперь похож на демона, измазанного в крови и саже. Интересно, его вообще можно мыть? В снегу мёртвый волкодав купался с упоением, а вот как у него с водой?

Вальдерон покопался в седельной сумке, достал флягу и протянул её. Лучано помотал головой, но, чтобы бастардо не подумал чего лишнего и не обиделся, пояснил:

– Прошу прощения, синьор, я очень редко пью карвейн. И только в случае особой необходимости.

– Не любите? – понимающе уточнил Вальдерон, и Лучано кивнул, добавив, сам не зная почему:

– Чутьё отбивает. И вкус. А я учился на изготовителя зелий, да и сейчас иногда помогаю... Когда бываю дома.

– Отцу?

Вальдерон ехал рядом, глядя прямо вперёд. И Лучано снова ответил с удивившей его самой искренностью:

– Мастеру. Я подкидыш, меня взял из приюта один добрый человек. Воспитал в своём доме, учил ремеслу.

И ведь почти не солгал. Да, Ларци забрал его не из самого приюта, а из казарм, но так ли это важно? Чёрную тень по имени Алессандро, мелькнувшую где-то в глубине памяти, он старательно стёр.

– В подмастерья взял?

– Вроде того, – усмехнулся Лучано. – Я зову его мастером, так у нас принято. Но он мне ближе родного отца.

И это тоже была правда. И неважно, что самого мастера Ларци она ни к чему не обязывает.

– Отец по крови – это не всегда родной отец, – тихо и как-то очень напряжённо бросил Вальдерон. – То есть настоящий... он может быть и неродным...

– Да, синьор, – очень ровно и осторожно согласился Лучано, тоже старательно глядя на дорогу.

– Я... узнал об этом меньше месяца назад. Понимаете, Фарелли? У меня мысли никогда не было... Да и быть не могло! Он любит меня... как сына. А я – его. А тот... ну, вы понимаете...

– Понимаю, синьор, – так же бесстрастно согласился Лучано. – Его величество.

– Вот именно. – Губы Вальдерона тронула едва заметная злая улыбка. – Его величество. Он отказался от меня ещё до рождения. Несколько слов на представлении ко двору... Как всем, понимаете?! И зачем я вам такое рассказываю?!

– Наверное, потому, что я хорошо знаю, каково это, – мягко сказал Лучано. – Когда ты не нужен одному, но нужен другому.

О да... Только вот король Дорвенанта своего бастардо пристроил в богатый знатный дом. Ещё и к порядочному доброму синьору, судя по всему. А не бросил в корзину для младенцев у входа в приют. И растили Вальдерона любимым сыном, а не... инструментом. Но всё-таки Лучано его понимал.

Сменить счастливое неведение на горькое прозрение – это больно. Особенно для тех, кто не знает, как терпеть боль. Если душа сделана из хорошего материала, испытания вытравят слабость, и человек станет сильнее, а вот если в нём скрытый порок... Боль и стыд найдут эту червоточину и разъедят ещё сильнее, как кислота – малейшую царапину на коже.

– Да, – уронил бастардо. – Вы понимаете. Простите, я не хотел вас обидеть. Не всем везёт, как мне.

У Лучано мелькнула почти кощунственная мысль, что Вальдерон каким-то образом прочёл его мысли. Ну разве может благородный синьор просто понять его, простолюдина, да ещё и Шипа?! Это только в сказках братаются принцы и сыновья кузнецов или горшечников. Но ведь извинился... Извинился! Перед ним!

– Я и сам отменно везуч, синьор Вальдерон, – улыбнулся он, стараясь побыстрее сгладить неловкость. – Это вам скажет любой в славном городе Верокье. Меня даже прозвали «Фортунато» – Счастливчиком!

Бастардо покосился на него с трудноуловимым выражением лица, его губы дёрнулись в быстрой улыбке, но почти сразу Вальдерон снова принял серьёзный вид. Однако у Лучано оста-

лось ясное ощущение, что в этот момент о нём подумали что-то совсем другое. Или называли как-то иначе. Хм... Ладно, хотя до дрожи интересно было бы узнать, какое прозвище ему придумал про себя дорвенантский грандсиньор.

Они догнали магессу уже возле самой деревни. Девушка упорно держалась впереди, и Лучано её понимал. Если едешь к собственной смерти, есть о чём подумать... Но когда лошади миновали покосившийся столб с грубо вырезанными буквами, к которым он даже приглядываться не стал, синьорина Айлин обернулась.

– Кстати, Ал, – сказала она преспокойно. – Я разрешила синьору Фарелли звать меня просто по имени. То есть Лучано, прошу прощения. Иначе только представь! Лезет из Разлома очередная толпа демонов! А наш спутник соблюдает все правила этикета и кричит мне: «Благородная грандсиньорина Айлин! Не будет ли любезна ваша мажеская светлость!.. – Она фыркнула и добавила уморительно серьёзным тоном: – Как думаешь, на каком по счёту учтивом обороте нас всех слопают?

– Просто... Айлин? – с явной растерянностью уточнил бастардо.

– Ну да, – беззаботно подтвердила магесса. – С родовым именем у меня... не очень. А синьорина – это слишком длинно! Си-и-и-ньо-о-о-ри-и-ина-а-а... – протянула она певуче. – Какой всё-таки красивый язык! Ал, не смотри так! Я не пьяна, честное слово. Даже в голову не ударило, только согрелась!

Глаза у неё блестели, щёки порозовели, но Лучано присмотрелся и про себя согласился, что для девушки, осушившей флягу крепчайшего карвейна без всякой закуски, синьорина Айлин держится неплохо. Язык не заплетается, движения точные и спокойные. Вот она поправила выбившуюся на лбу прядку, улыбнулась Вальдерону, покосившемуся на Лучано...

Лучано ответил очень выразительным невинным взглядом. Мол, вы же сами всё видите, синьор! Я-то что мог сделать?

Вальдерон на удивление понимающе хмыкнул, хотел что-то сказать, и тут они въехали в деревню. Магесса ойкнула, закусила губу, и Лучано увидел, как её лицо стремительно бледнеет, словно кровь отхлынула от кожи.

– Айлин? – тихо позвал бастардо. – Что? Опять демоны?

– Не... не сейчас, – прошептала синьорина, покачнувшись в седле и почти упав на шею кобылы. – Претемнейшая... как же это... Как?!

Вальдерон послал вперёд лошадь, даже поводьями не тряхнув, словно та послушалась мысленного приказа. Оказался впереди магессы, вытянул из петли у седла уже вычищенную секиру и принялся разглядывать пустую, словно вымершую улицу. Лучано, оставшись позади, последовал его примеру, только вместо секиры достал арбалет.

Как же здесь было тихо! Ни мычания и блеянья скота, ни собачьего лая... И над растрёпанными соломенными крышами ни одного дымка! Только цокот их лошадей, да и то приглушённый, потому что земля сырая. И вся изрыта странными следами... Лучано за всю жизнь был в деревне пару раз, да и мясо видел на рынке уже разделанным, но ему казалось, что копыта и коровьи копыта не похожи на многопалые лапы с длиннющими когтями, следы от которых глубоко ушли в землю и уже успели высохнуть. Да и во-о-он то тёмное пятно у забора... Скотину там резали, что ли? Ага, прямо на обочине?!

Он потянул носом, по привычке доверяясь в первую очередь чутью. Дымом и в самом деле не пахло. Навозом тянуло отчётливо, это от ближайших коровников... А во-он за теми домами выгребная яма... Но что-то в этих обычных запахах деревенского жилья было неправильным. Какой-то резкий острый привкус, неумолимо тошнотворный...

– Айлин! – уже громче окликнул магессу Вальдерон, развернувшись и перегородив им обоим дорогу. – Что случилось?

Бледная до полупрозрачности девушка смотрела мимо него, словно не слыша, и что-то шептала. В следующий миг Лучано понял, что она разговаривает не сама с собой, а с кем-

то. Кем-то... невидимым. А ещё через миг вспомнил мастера Алессандро и невероятный дар синьорины видеть призраков. Только что же взгляд мечется?! Так, словно перед ней не один собеседник, а... Лучано попытался проследить за глазами магессы, и ему снова, уже второй раз за день, стало жутко до тошноты. Синьорина переводила взгляд с одного пустого места на другое так, словно стояла перед целой толпой.

Пушок улёгся перед ней, положил голову на лапы и тоже уставился в пространство перед собой пугающе осмысленным взглядом.

– Они... говорят... – тихо и монотонно отозвалась магесса. – Рассказывают, как умерли. Пять... нет, шесть дней назад... Мужчины были в поле, почти все. Женщины занимались хозяйством. Весна... Они сажали огороды, сеяли... Пастух увёл стадо... Дети... – Она всхлинула. – Я не могу... не могу это повторить! Разлом! Он случился где-то далеко! Они не знают – где... Демоны пришли со стороны Гредона. Или от самого Керуа. Они не знают. Они... простые сельчане! Даже в Гредон из всей деревни ездил только староста и ещё несколько человек. Мельник, кузнец... – И снова тихий всхлип. – А потом пришли демоны. Выскочили из леса и первыми загрызли мужчин. Почти... почти всех... Кто-то убежал в деревню... Предупредил... Но демоны пришли почти сразу... сразу за ним! Лезли в дома, в сараи... Им... им было всё равно, люди или скот. Они рвали, а потом... шли дальше. Вырезали всех... всех! А потом вернулись к телам и начали жрать!

Она покачнулась в седле и завалилась бы, не окажись в тот же миг рядом Вальдерон. Лучано поёжился – ему показалось, что из пустоты смотрят десятки взглядов. Гневных, обиженных, измученных, страдающих, укоризненных... Магесса не плакала, как на холме. Наверное, слёзы она выплакала ещё там, а может, сил не было. Просто тихо проскулила что-то, как побитый щенок. А потом оттолкнула руки Вальдерона, выпрямилась в седле и заявила:

– Я должна их отпустить! Это... мой долг. Они мучаются!

– Айлин, – с безнадёжным терпением напомнил бастардо. – Ты недавно потратила всю силу. Ты не сможешь провести ещё один ритуал. Да и сколько их?!

– Много, – скорее прочитал по движению бледных губ Лучано, чем услышал. – Очень... много. Но им плохо. Они умерли в боли и в страхе. Ал, как ты не понимаешь?! Они не могут обрести покой! Это хуже, чем незаконченное дело! Они не могут найти дорогу в Сады, а Провожатые не могут их забрать, потому что... Ай, да что я объясняю! Просто поверь! Я должна!

– Должна истощиться? – мрачно спросил Вальдерон. – Выгореть? Или что там с магами бывает? Айлин, я всё понимаю, но... Они подождут. Немного! Пока ты...

– Вон там! – Тонкая девичья рука взметнулась и указала в провал забора, где была калитка, но теперь, сорванная, лежала на земле. – Там стоит мальчик. Ему лет десять. У него... У него вырвано горло. Он молчит, потому что не знает, что призраки могут говорить без голоса. Только смотрит. Он на меня смотрит, Ал! Они все смотрят! И знают, что я некромантка!

Магесса обняла себя за плечи, помотала головой и уже чуть спокойнее сказала:

– Я смогу. Я никогда не отпускала столько душ разом, но... Это не проклятия. И не «Огненный ветер». Я только подумаю, как... сделать общий ритуал. Чтобы сразу... Но это нужно сейчас, понимаешь? Как можно... как можно быстрее!

– Может, съездим в Гредон? – безнадёжно предложил Вальдерон. – Там ведь должны быть некроманты! И нам по дороге...

Не слушая его, магесса соскочила на землю, испещрённую следами. А Лучано наконец понял, что ему кажется непонятным. Она видит призраков... много призраков! Но где же тела? Окликнув бастардо, он тихо сказал ему это, и Вальдерон, переменившись в лице, ругнулся. Действительно, ни одного тела поблизости не было. Неужели они так и лежат в домах? Или демоны их куда-то уволокли? И где в таком случае сами демоны?!

– Айлин! – снова позвал бастардо. – Айлин, пожалуйста! Ты можешь их спросить? Это важно! Куда делись демоны? Они где-то рядом?

Синьорина, выхватив из ножен на поясе кинжал, чертила прямо в грязи какую-то сложную фигуру с множеством лучей. Услышав вопрос, она подняла голову и повторила его в пустоту так мягко и ласково, словно говорила с испуганным ребёнком. Прислушалась и бросила:

– Демонов здесь больше нет. Они были в деревне сутки, пока... не наелись. А потом собрались стайей и ушли. Туда! – Она махнула рукой в сторону Гредона, насколько помнил Лучано. – В город!

– В город – это хорошо, – пробормотал бастардо. – Там солдаты и маги. Там тварей перебьют. Айлин, может, всё-таки...

– Не мешай! – шикнула на него магесса.

Всё новые и новые знаки ложились по лучам звезды. Не глядя, что испачкалась уже по уши, синьорина ползала на коленях, с лихорадочной торопливостью чертя остриём кинжала прямо в грязи. Наконец она закончила, встала и шагнула в середину. Подняла перед собой кинжал, и Лучано испугался – вдруг полоснёт по руке? Кто их знает, эти некромантские ритуалы? Они, по слухам, большей частью на крови. А нож в земле! Гнилую лихорадку схватить от такого пореза – делать нечего!

– Властью, данной мне Претемнейшей Госпожой...

Что-то у неё не получалось. Нож дрожал в тонких пальцах, губы кривились от напряжения, и Вальдерон подался вперёд на лошади, словно собирался кинуться на помощь. Лучано и сам чувствовал себя так, словно тащит что-то невыносимо тяжёлое. Да что же это!

– Властью, данной мне Претемнейшей Госпожой... властью... данной...

Она повторяла это раз за разом, и было понятно, что всё бесполезно. То ли умения не хватает, то ли, что вернее, сил. А вот отдохнула бы, поела, выпалась... Угу, в мёртвой деревне! Сколько тут могло быть жителей? Домов две-три дюжины, но крестьяне живут большими семьями, так что сейчас магессу просят о милости десятки, если не сотни призраков.

Лучано передёрнуло.

А рыжая синьорина, и без того перемазанная, вытерла лицо грязной ладонью, села прямо в середину звезды на землю, обняла колени руками и заскулила:

– Не могу-у-у... Не получается! Сил... не хватает... Их так... так много!

– Айлин!

Бастардо спрыгнул с лошади, пробежал эти несколько шагов – и остановился на границе звезды, не решаясь её пересечь. Ну, ещё бы. Нарушить некромантский ритуал, пусть и из лучших побуждений?

– Айлин... – повторил он отчаянно. – Айлин...

– Не могу, – шептала девчонка, кусая губы. – Не могу, не могу, не могу... – И вдруг подняла голову и закричала, глядя перед собой: – Да уходите вы! Идите! Я вас отпускаю, слышите! Всех! Вы свободны, свободны, свободны!

Она махнула перед собой рукой с кинжалом, то ли разрубая что-то невидимое, то ли разрезая плотную пелену. Лучано это почти увидел. И саму преграду, и как острый кинжал из странного тёмного металла с трудом её испарывает. Ледяной порыв ветра хлестнул его по лицу. Жалобно заржали кобылы. Вальдерон кинулся к ним и вовремя поймал свою лошадь, а потом белую арлезийку. Гнедые Лучано тоже забеспокоились, но меньше, а вокруг творилось что-то непонятное и оттого жуткое. Ветер дул разом со всех сторон. Холодный, и почему-то пахнувший цветами. Странно знакомый запах, смолистый такой и вместе с тем сладкий...

«Вереск! – понял Лучано. – Как будто целое поле рядом!»

Он вдохнул полной грудью... И всё прекратилось. Только Пушок, подняв голову, задрал нос и сосредоточенно принюхался, а потом пару раз слабо вильнул хвостом и опять успокоился.

Магесса посмотрела огромными испуганными глазами и прошептала:

– Ушли. Они просто ушли. Разве... так можно?

Бастардо звучно скрипнул зубами – Лучано оценил его выдержку! – и очень ласково сказал:

– Конечно можно. Они ведь ушли, правда? Теперь всё хорошо?

– Ага, – растерянно согласилась невероятная синьорина. – Я только не поняла, почему они... почему они назвали меня королевой? Сказали: «Спасибо, ваше величество»... Перепутали что-то, наверное.

– Наверное, – согласился бастардо.

Снова спешил, уже без опаски переступил границы звезды и осторожно подхватил магессу на руки, деловито поинтересовавшись:

– Карвейн?

Та в ужасе замотала головой, так что длинные косы хлестнули Вальдерона по плечам.

– Нет! Всё хорошо! И поставь меня немедленно, слышишь?

– Обязательно, – согласился тот. – Вот сейчас найду чистое место – и поставлю! Фарелли! Вас не затруднит взять лошадей?

– Нисколько, синьор!

Лучано спрыгнул на обочину, выбрав местечко посуше, собрал поводья кобыл в каждую руку. Успел подумать, что колодцы в деревне остались – куда бы им деться. И чистый дом с печкой наверняка найдётся...

Бастардо, шагающий впереди, словно споткнулся, замер на ходу, а потом осторожно опустил девицу на землю. Положил ладонь на рукоять секиры. И тут же её снял. Глубоко вдохнул и выдохнул:

– Благие Семеро!

Лучано его, в общем, понимал. Об этом призраки почему-то не предупредили. Может, уже не считали дела живых своими, кто знает?

Но в нескольких шагах от их маленького отряда из-за невысокого крепкого забора выглядывали две светловолосые головёнки. А за спиной ребятишек – лет пяти-шести, не больше – сторбилась высокая худая старуха, совершенно седая и морщинистая, как печёное яблоко. Она глядела исподлобья и, насколько видел Лучано, прижимала к себе детей. Третий малец, ещё меньше этих, всего лет трёх, вывернулся откуда-то у неё из-за спины. Старуха не успела его поймать, и мальчишка, путаясь в рубашонке, пролез между кольями забора, кинулся к Вальдерону, вцепился ему в высокий кавалерийский сапог и звонко завопил:

– Папа... папа пришёл!

Ошалевший бастардо замер, боясь шагнуть и даже пошевелиться. А старуха низко поклонилась, ухитрившись не задеть забор, и торопливо проговорила:

– Прощенья просим, ваша милость. Маленький он ещё. Спутал. Отец у него на вашу милость похож был.

– Чем... похож? – не нашёл ничего умнее спросить Вальдерон, и старуха, оттолкнув мальчишек постарше, выскочила из-за забора, на бегу объясняя:

– Лесорубом он был. Высокий, да с топором. И борода, как у вашей милости. Прощенья просим.

Наклонившись, она ловко оторвала мальчишку от сапога бастардо. Тот немедленно заревел и начал рваться из рук, но старуха так же бегом понесла его обратно за забор, крепко прижимая к себе и бормоча просьбы о прощении.

– Да погодите! – окликнул её бастардо. – Как же вы живы остались?! И что, только... вы?

Старуха обернулась у самого входа в низенький грязный домик, почти хижину. Настороженно замерла, словно решая, безопасно ли будет юркнуть туда и затаиться. Но поняла, что не выйдет. Снова глянула исподлобья и глухо сказала:

– Да вот... живы. То ли Претемнейшая смиловалась, то ли Баргот побрезговал. От всей нашей деревни... Я да эти... малые. Не обессудьте, ваша милость, а принимать вас нечем.

Разве что по домам пройдитесь, поищите, где-то еда и осталась, может. Эти-то... свежину ели, припасы им наши без надобности оказались.

По виду синьорины Айлин можно было подумать, что она вот-вот разрыдается снова. И нельзя сказать, что Лучано её не понял бы! Пусть он давно перестал считать чужую смерть чем-то особенным, но было что-то невыносимо, до тяжёлого кома в горле отвратительное в такой смерти – несправедливой и донельзя бессмысленной!

– Как же вы останетесь одни? – помолчав, спросил бастардо, пока старуха запихивала ребятишек в дверь и накрепко закрывала её.

Сама она осталась снаружи, всё так же глядя со смесью настороженности и неприязни. Худые костлявые руки с узловатыми суставами комкали грязный передник. И было совершенно понятно, что от странных путников здесь не ждут ничего хорошего.

– А куда нам податься? – буркнула старуха. – В городе мы никому не нужны, разве что милостыню у храма просить – так там и своих нищих довольно. Вот чего в Гредоне точно в достатке...

– Но есть и другие деревни! – всё ещё не понимал Вальдерон.

Старуха поглядела на него, как на умалишённого, и Лучано негромко сказал, удивляясь, что приходится объяснять такие простые вещи.

– Дети ещё слишком малы, синьор, а она стара. Никто не станет кормить чужой рот, если к нему не прилагается пара крепких рук. Местный грандсиньор не выделит землю семье, где трое детей и ни одного мужчины. Здесь, правда, пустой земли осталось вдоволь, но её нужно обрабатывать. Нужны лошади, скот, а главное – много сил.

– Но не оставаться же им здесь! Ладно – летом, но ведь зима наступит!

Старуха медленно покивала, а потом снова заговорила равнодушным скрипучим голосом:

– Я-то что, пожила уже своё, а их жалко. Хоть и неродные. Мои все в поле были. Двое сыновей с невестками, внуки... А этих соседка привела, попросила присмотреть, пока мужу обед отнесёт. Я как увидела, что творится, в охапку их – да в подпол. А он у нас глубокий, муж покойный копал, чтобы сыр в холоде хранить. Закрылись и сидим. Слышим только – крики наверху. День сидели, потом всю ночь – выйти всё боялись. Вот я и думаю сейчас, может, лучше бы я в том подполе осталась? Потерпела бы немного, да и догнала всех своих в Претёмных Садах. Вот если б не эти... малые... так бы и сделала. А жалко... Ничего, что чужие, они ж не виноваты, что живы остались. Нет у меня теперь никого роднее... Умру – что с ними будет?

Лучано увидел, как широкую спину и мощные плечи Вальдерона повело и передёрнуло. Что ж за день такой неудачный? Всё по больному месту. Он покосился на притихшую магессу. Та засыпала стоя, глаза явно слипались. Немудрено после стольких магических подвигов. Как ещё на ногах держится?

– Давайте расседлаем коней, синьор? – тихо предложил он. – Синьорине Айлин нужно отдохнуть, а я бы приготовил еду.

– Да, всё верно, – тяжело сказал бастардо и спросил у старухи: – Где тут можно устроиться на ночлег?

– Да где хотите, – отозвалась та и добавила с чудовищной прямоотой: – Только поищите дом, чтобы покойников не было. Вон, к старосте можете заехать, его дом по улице чуть дальше, сразу увидите. Там у калитки двоих порвали, самого старосту да дочку его, но вы ж молодые, сильные, уберёте. Это мне не по силам, а то сами туда ночевать ушли бы.

Лучано услышал, как бастардо скрипнул зубами, а потом очень ровно сказал:

– Я уберу. Фарелли, побудьте с Айлин.

– Ал, – вздохнула магесса, прислоняясь к его плечу. – Я же некромантка. Я покойников столько видела! И в таком состоянии! Подумаешь, два трупа шестидневной давности. И даже не очень тепло было, так что ничего страшного. Пойдём вместе, вы уберёте, а я лошадей подержу.

«Что за девица! – в немом восхищении подумал Лучано. – Неужели у них там все такие? Или это только нам повезло? Ни визгов, ни капризов, держится, как опытный боец. Что бы из неё дальше выросло? Претемнейшая, до чего жалко...»

Вернувшись в сёдла, они проехали дальше по улице и вскоре увидели обещанный дом. Среди прочих он выделялся величиной, да и соломенная крыша казалась попышнее и поновее. Наверное, внутри найдутся и крепкие лавки, и одеяла, и кухонная утварь. Готовить в одном котелке всё-таки поднадоело.

На два тела, изломанными куклами лежащие у забора, он глянул с лёгким спокойным сожалением. Не повезло, что уж говорить. Но если рвать себе сердце из-за каждого чужака, так и с ума сойти недолго.

Бастардо непререкаемым тоном велел магессе побыть с лошадьми, и та, к удивлению Лучано, не стала спорить. Покорно взяла недоуздки и ждала, пока мужчины унесут мертвецов, а потом спешила и завела кобыл в ворота скотного двора.

Лучано помог Вальдерону оттащить оба трупа подальше, брезгливо потряс в воздухе кистями рук, хотя прикасался только к обутым ногам мертвецов. И не смог не подумать, что стоит теплу вернуться, как деревня превратится в зловонный ад. Ещё и болезни могут вспыхнуть, они любят подобные места.

– Сколько же здесь покойников, – пробормотал о том же бастардо. – Надо бы их похоронить...

И осёкся. Оба понимали, что копать могилу для стольких тел – непосильная задача для двоих. Во всяком случае, очень долгая.

А потом, всё так же не сговариваясь, они посмотрели на дом старосты, молчаливо темнеющий в наступивших сумерках.

Лучано шагнул к деревянному крыльцу и замер, изумлённо чувствуя, как откуда-то изнутри поднялось невыносимое отвращение. Несправедливо и до ужаса глупо! Ведь дом свободен и больше никому не принадлежит, да и они не возьмут ничего! Разве что проспят одну ночь в тепле!

– Ал... Синьор... то есть Лучано...

Подошедшая магесса прятала глаза, а потом тихонько попросила:

– Может, переночуем на сеновале, как и собирались? Я зашла в дом, а он... Вы не подумайте, призраков там больше нет! И никакой нечисти – тоже. Просто он такой чужой... А сеновал – вон он! Там сена полно, и оно сухое...

– Богато жил староста, – с едва различимой ноткой одобрения отозвался бастардо. – Весна уже поздняя, а у него сено ещё целое. И крыши на домах в деревне не разобранные.

Поймал удивлённый взгляд Лучано и пояснил:

– Когда молодой травы долго нет, крестьяне часто разбирают крыши на корм скотине. А здесь хоть и бедно жили, но люди были работающие, сена запасли вдоволь. На сеновале, так на сеновале.

Лучано посмотрел на сеновал и тихо вздохнул. В стенах длинного приземистого сарая даже самый невзыскательный взгляд нашёл бы немало щелей, а крыша казалась не более надёжной, чем, к примеру, бумажная. Лучше бы в палатке ночевали. Там, правда, тесно, зато он уже и забыл, когда мёрз ночами. А стоит представить, какие сквозняки гуляют по этому сеновалу, как тут же становится зябко! И это если забыть, что солома имеет неприятное свойство колоться и набиваться в одежду. К тому же крысы...

Впрочем, на фоне всего остального, крысы – это уже не стоящие внимания мелочи, если, конечно, синьор Пушок не примет их за дичь и не начнёт гонять по всему сеновалу с грохотом, сделавшим бы честь любому табуна коней – в точности, как это делают кошки мастера Ларци.

С другой стороны, если выбирать между сеновалом и мёртвым домом, лишившимся хозяев... Ладно, это будет интересный опыт!

– Тогда устраивайтесь, – предложил он. – А я наберу воды и поставлю вариться ужин. Кстати, нашёл у себя в сумке кусок копчёного сыра, о котором совершенно забыл! Тащил его от самой Дорвенны, это же надо иметь настолько дырявую голову! Но всё к лучшему, зато на ужин у нас будет сырнй суп. Что может быть лучше горячего супа после долгого тяжёлого дня, м?

Он болтал без умолку, не выходя из роли весёлого шута и с радостью наблюдая, как с лица магессы исчезает выражение загнанного зверька, да и у бастардо глаза теплеют. Ещё не летнее небо, но уже и не вода в полынье. А день и правда выдался тот ещё. Эх, им бы сейчас всем в купальню! А потом хороший массаж по всем правилам целительской науки...

– Будь мы сейчас в Верокье, – понизил он голос, наблюдая, как синьорина Айлин удаляется в сторону сеновала, – я бы позвал пару-тройку гуляющих девиц.

– Зачем? – выдавил бастардо, глядя на него со священным ужасом. – То есть я понимаю, зачем они, но...

– Вы только представьте, синьор Вальдерон! – сказал Лучано, держа лицо непроницаемым. – Две или три прекрасные девушки готовят вам ужин, поливают на голову в купальне, разминают плечи... Потом укладывают в постель... Укрывают одеялом... – Он сделал тщательно рассчитанную паузу и закончил драматическим шёпотом: – А потом уходят подальше! Как можно дальше! И не возвращаются до самого утра, а лучше – ещё неделю!

Несколько мгновений Вальдерон смотрел на него в полном изумлении, Лучано уже почти уверился, что шутка провалилась, но потом глаза бастардо блеснули, и он негромко, но искренне рассмеялся. А просмеявшись, глянул уже совсем иначе, окончательно оттаявшим взглядом, и сказал:

– Да ну вас... Я же и в самом деле подумал! Фарелли, вы вообще бываете серьёзным?

– Зачем? – улыбнулся Лучано. – Скучного и страшного в жизни и без меня хватает. Но если всё хорошо, зачем быть серьёзным? А если всё плохо, шутка тем более не помешает, пусть хотя бы чуть веселее станет.

– Я над этим поразмыслю, – задумчиво пообещал Вальдерон и, развернувшись, пошёл к конюшне.

Так-то лучше... Ну и где у них здесь колодец, м? Пройдя единственную улицу деревни до конца, Лучано не нашёл ничего похожего и, вернувшись, постучал в дверь единственного обитаемого дома.

– Колодец? – проскрипела старуха, уяснив, что ему нужно. – Он вам не пригодится, ваша милость. Я за водой к ручью хожу, это во-о-он там!

Она махнула рукой в сторону небольшой рощицы, которая в сумерках выглядела на редкость зловеще.

– А с колодцем-то что? – уточнил Лучано.

Старуха пожевала морщинистыми губами, потом нехотя отозвалась:

– Жена старосты в нём плавает. Уж не знаю, то ли с перепугу туда прыгнула, то ли думала отсидеться, да забыла, что весной вода высокая. Не вытащить её никак. А и вытащить – вода не скоро очистится.

Лучано сглотнул и признал про себя, что почти неделю замачивать в колодце труп – это не самая хорошая идея для супа. Да и мыться такой водой не захочется.

– Многоуважаемый синьор Пушок, – церемонно обратился он к удивительно вовремя подбежавшему волкодаву. – Не соблаговолите ли прогуляться со мной до ручья? В вашей почтенной компании мне будет как-то поспокойнее.

Пёс глянул на него снисходительно, но стоило Лучано двинуться в сторону рощицы, побежал рядом и немного впереди.

Вдвоём они быстро нашли упомянутый ручей. Лучано набрал воды и решил, что вот сейчас отыщет в доме старосты ведро и сходит сюда ещё пару раз. Демонов поблизости нет, раз Пушок совершенно спокоен, призраков – тоже, а если немедленно не отмыть въевшуюся в кожу и волосы вонь, он сам начнёт кусаться не хуже любой барготовой твари. Надо же было этой несчастной дуре так неудачно утопиться! Ещё вопрос, что хуже: чтобы тебя быстренько загрызли демоны, или долго захлёбываться в ледяной колодезной воде, видя круг света над головой.

Лучано вспомнил реку, где едва не утонул, передёрнулся и подумал, что лично он предпочёл бы демонов.

Уже в полной темноте он натаскал воды в большую бадью, что обнаружилась на скотном дворе, и задумался, как сельчане греют воду для мытья. Ни одного котла поблизости не видно! И в чём моются? Неужели даже в доме старосты нет хотя бы бадьи?

Откуда-то вывернул Вальдерон, отчаянно пахнувший теперь не только гарью, но и лошадьми, из чего Лучано сделал вывод, что кобылы сыты, вычищены, и им разве что колыбельную на ночь не спели. А может, и спели, кто знает.

– Придётся мыться холодной, – сказал он вслух, надеясь, что благородный синьор подскажет что-нибудь дельное.

Но тот беззаботно поболтал в воде рукой и удивился:

– Разве холодная? Отличная водичка для весны!

«Это он всерьёз, – понял Лучано, глядя, как бастардо деловито тянет с могучих плеч рубашку. – Не издевается и даже не мстит за все мои шутки. Они тут просто все такие... устойчивые к холоду!»

– Ой, водичка! – раздался звонкий голос синьорины Айлин.

Ожившая магесса тоже попробовала воду рукой и просияла:

– Ух, какая прохладная, прелесть! Чур, я после тебя, Ал! Синьор Лучано, вы ведь не против? А у вас там суп кипит... И пахнет!

«Действительно, – вздохнул Лучано. – Что им какие-то демоны? Эту страну не уничтожить и не покорить! Банков у них нет, видите ли! Зато принц и грандсиньорина могут вымыться в воде, от которой у меня, бедняги, даже волосы замёрзнут! Не говоря уже об остальных... Да если только Баргот сюда явится – сам сбежит в ужасе!»

Много позже, уже согревшись горячим супом, а потом и шамьетом, он влез на сеновал, надеясь, что после такого купания не заболеет снова. Глаза неумолимо слипались, и даже если в сухом колючем сене водились крысы, Лучано был согласен разделить с ними сеновал. Жёсткая труха кололась, лезла за шиворот, но Лучано свернулся на расстеленном плаще, подложил под голову свёрнутую куртку. Вокруг было темно, только слышалось, как ворочается Вальдерон. Что-то с ним творилось не то, и Лучано приказал себе завтра же попытаться вызвать бастардо на разговор. Магесса спала тихо: ни движения, ни дыхания. Замучилась, бедная.

Лучано закрыл глаза и оказался где-то в тёплом и потому на редкость приятном месте. Наверное, это охотничья сторожка, где он болел. В окно, слегка подёрнутое инеем, было видно, как в сугробах кувыркаются безумные дорвенантцы со своим не менее безумным псом. Синьорина Айлин и Пушок завалили Вальдерона, который от смеха не мог им сопротивляться, и с двух сторон его закапывали. Из-под девичьих ладоней и собачьих лап летел снег...

Было мучительно сладко наблюдать за этим и так же больно понимать, что он упустил свой единственный шанс присоединиться к веселью. Вряд ли у него получится дожить до следующей зимы. А у магессы это тем более не выйдет. И даже если каким-то чудом она останется жива, что за дело будет ей и наследнику трона до наёмного убийцы, оказавшегося их случайным спутником. Кто он такой, чтобы разделить с ним не только дорогу и опасности, но счастье, редкое и поэтому воистину драгоценное.

«А я никогда не кувыркался в снегу, – подумал Лучано, уже засыпая, но жадно ловя каждый миг воспоминаний. – Ужас, конечно, если смотреть со стороны. Холодина – бр-р-р-р! Но я бы рискнул. Ну, хоть разок. Просто чтобы понять, каково это: веселиться с людьми, от которых не ждёшь ножа в спину или яда в стакан, как от своих же братьев-Шипов. С людьми, которые смеются тебе в ответ и просят прощения, если думают, что обидели. По-настоящему просят, вот ведь какая штука! А синьорина зовёт меня по имени... И правда, какой этикет, если он ей никогда больше не понадобится? Это живым нужно соблюдать тысячи правил, просто чтобы оставаться живыми как можно дольше. Но если ты знаешь, что вот-вот погибнешь, то... ты вроде как уже мёртв. А мёртвым можно вообще всё! Вот Айлин – красивое имя, всё-таки! – вот Айлин и ловит каждое мгновение как последнее. И если ещё подумать, то чем я от неё отличаюсь? Ну, разве что срок свой не знаю так точно. И всё-таки живым королева Беатрис меня не отпустит, а значит... Значит, мне тоже можно всё. Какая странная и великолепная мысль. Ещё бы только придумать, что именно? Вот завтра и подумаю над этим», – очень рассудительно успокоил он себя и окончательно провалился в снег, который теперь был везде.

Снег был тёплый, какой-то колючий, но очень душистый. «Вереск, – понял напоследок Лучано. – Сено пахнет вереском, наверное, на холмах косили... Где-то я этот запах уже слышал... Нет, не помню. Ну и ладно...»

Глава 3

До зверя Перлюрена

Утром Аластор обнаружил, что у него под боком спит, свернувшись котёнком, вчерашний мальчишка. Грязное личико во сне светилось таким счастьем, что Аластор замер, не решаясь встать. Глупо, конечно! Всё равно придётся уезжать, а мальчишка останется в мёртвой деревне, и неизвестно, какова будет его судьба. И вообще, это всего лишь крестьянин, простолюдин! Их везде, как грязи, не стоит и приглядываться...

«Папа! Папа!» – вспомнилось и резануло где-то внутри неожиданной болью. Старуха сказала, что он похож на погибшего отца этого малыша. Отца, который уже никогда не вернётся. Но что Аластору с этим делать? И можно ли вообще сделать что-нибудь для этих людей?

Фарелли правильно сказал, что в другой деревне они вряд ли найдут приют. Слишком беспомощные. А время идёт. Поля то ли вымерзли, то ли ещё не были засеяны, одинокой женщине с детьми обработать надел не по силам, да и скота в деревне не осталось. А значит, им нужно просить помощи у своего лорда!

Аластор вспомнил карту и невольно нахмурился. Гредон и его окрестности – земли Сазерлендов. Но их, кажется, проехали. А чей майорат здесь, он не помнил. Ладно, старуха-то должна знать, кто её господин!

Он осторожно отполз от мальчишки, стараясь не потревожить, и спустился с сеновала. Айлин ещё спала, зато Фарелли обнаружился внизу. Сидя на колоде для рубки дров, он ловко чистил какие-то корешки и болтал со старухой, которая ощипывала здоровенного гуся.

– Я и не думал, что в деревне птица осталась, – удивился Аластор.

Старуха, до этого спокойно говорившая с итлийцем, сжалась в комок, уже привычно для Аластора глянула исподлобья и замолчала, только руки её всё так же быстро мелькали, обдирая перья.

– Гуся изволил добыть и принести синьор Собака, – пояснил Фарелли. – Здесь озерцо маленькое за рощицей, вот он туда утром и прогулялся. А дальше, в полудне пути, есть озеро большое. Сударыня Грета говорит, что оно как раз по дороге на юг.

Грета, значит? Аластор слегка позавидовал умению итлийца молниеносно сходить с кем угодно, даже с этой то ли запуганной, то ли просто нелюдистой крестьянкой. Ну да, стоит вспомнить, как синьор Паскуда втёрся в отряд к ним самим!

Старуха тем временем подхватила недоощипанного гуся и, косясь на Аластора, буркнула:

– Пойду печь растоплю, нечего ей без дела стоять. Прошу прощения у вашей милости.

И ушла, забрав гуся с собой.

– Почему она меня боится? – спросил Аластор, не особо рассчитывая на ответ, но итлиец охотно пояснил:

– Чует благородную кровь, синьор. Вы ходите и говорите совсем иначе, не как деревенский люд. Шпагу снять можно, а вот манеры – нет.

– Ну и что? – продолжал удивляться Аластор. – Я же часто приезжал в свою деревню, там никому в голову не приходило меня бояться. Наоборот, все радовались!

Итлиец посмотрел на него с непонятным сожалением, а потом вздохнул и мягко, словно несмышлёнышу, сообщил:

– Немного зная вас, благородный синьор, я предполагаю, что вы вели себя с присущим вам великодушием. Не раскладывали деревенских девок, а то и невесту прямо на свадьбе, не пороли парней за то, что вовремя не отскочили с дороги. Наверное, не топтали посевов, охотясь рядом с полями. И суд, пожалуй, вершили справедливый?

– Что? Ну разумеется! – возмутился Аластор, краснея. – Да мне бы в голову не пришло вот это всё... что вы говорите! Отец меня учил, что мы не только хозяева своим людям, но их первые защитники!

– Исключительно достойный человек ваш отец, – уважительно склонил голову Фарелли. – Но... Как бы это сказать... Один высокородный синьор другому не ровня. В этой деревне людей золотой крови бояться, как огня, из чего я делаю вывод, что местный господин не отличается вашей добротой. Да и живут здесь победнее, чем ваши люди, м?

– Это так, – признал Аластор, снова оглядевшись. – В наших землях у многих зажиточных крестьян дома и подворья не хуже, а здесь только у старосты. Да и деревня грязновата, хоть и не совсем нищая. На самое необходимое, видно, хватает, а вот спину разогнуть и сделать свою жизнь хоть немного краше...

– Для этого уже и силы нужны, – подхватил итлиец, – и лишняя монетка в кармане. Чего здесь и близко не видно. Я тут поговорил с бедной женщиной, так она, уж простите, благородный синьор, о своём хозяине слова доброго не сказала. Скрыга, по её словам, такой, что рыбьей чешуи не выпросишь.

– А у нас говорят «снега зимой», – хмыкнул Аластор. – Но я понял. На своего лорда бедолага не надеется? Вот что, Фарелли, позовите её, будьте любезны. И постарайтесь успокоить.

Кивнув, наёмник встал и ушёл. Аластор рассеянно потрепал подошедшего за лаской Пушка и подумал, что решать опять придётся самому. И снова идти по той грани, за которой его поступок могут очень сурово осудить. Вообще-то, он сейчас собирался совершить одно из самых некрасивых дел для дворянина, причём сурово осуждаемое законом.

– Слушай меня внимательно, добрая женщина, – сказал он, когда старуха вернулась вместе с итлийцем и, подойдя, замерла перед Аластором, комкая передник. – Ты когда-нибудь бывала на севере за Дорвенной? Или хоть в самой Дорвенне?

– Откуда мне, ваша милость?

– Ну, значит, придётся, – вздохнул Аластор. – Здесь вам оставаться нельзя, не демоны вернуться, так неурожай доконает. Разве что, в самом деле, попросишь помощи у своего лорда, а?

Старуха ниже склонила голову и так упрямо поджала губы, что стало ясно – на милосердие хозяина она не рассчитывает.

– Тогда уходите, – тяжело уронил Аластор, внутри ёжась от того, что совершает.

Сманивает чужую крестьянскую семью! Законное имущество местного лорда! Хоть Правда Дорве Великого и признавала за крестьянами возможность сменить господина, но делалось это иначе! Благородным лордам следовало сначала договориться между собой и выплатить законную компенсацию за потерю рабочих рук! А не вот так, за глаза!

Старуха тоже поняла, что происходит неладное, потому что воззрилась на него с недоумением, даже голову подняла.

– Идите по большому тракту до самой Дорвенны, – сказал Аластор медленно, чтобы крестьянка его поняла. – Вам бы лошадь с повозкой, но ведь отнимут. А так потихоньку проскочите. Ничего, что медленно, мир не без добрых людей, может, и подвезут. Но в столицу не ходите. Обогните её и идите по северному тракту до городка Вальдро. Слышала о таком?

– Слышала, – неожиданно ответила старуха. – Муж мой ещё молодым добрую лошадь оттуда привёл для хозяйства.

– Ну, слава Благим, – усмехнулся Аластор. – Выбраковку взял, наверное... Ладно, неважно! Как доберётесь до земель Вальдеронов, которые под Вальдро, иди в любую деревню прямо к старосте. И говори, что младший лорд Аластор велел о тебе позаботиться. Пусть найдёт вам жильё и выделит из общинных денег вдовью долю и три сиротских, как положено. У нас голода точно не будет. А я вернусь – и спрошу с него, если крутить начнёт. Поняла, Грета?

Земли Вальдеронов под Вальдро. Младший лорд Аластор Вальдерон. Приказал позаботиться как о своих людях.

Старуха долго смотрела на него, пытаясь осознать сказанное, потом беспомощным движением подняла морщинистую руку к губам, словно прикрывая рот, и ахнула из-под ладони:

– Так это что же! Ваша милость... То есть ваша светлость?!

– Моя, – устало подтвердил Аластор. – Моя светлость, он самый. Собирайтесь в дорогу, чем быстрее, тем лучше. Еды здесь набрать сможете?

Про себя он подумал, что надо бы дать старухе денег. Может, купит по дороге место в повозке для себя и ребятишек. Но денег осталось так мало, что каждая монетка на счету.

Грета закивала, и Аластор с удивлением подумал, что запомнил её имя. И, кажется, надолго. Ну, если Всеблагая Мать будет милостива, а Странник подарит немного удачи, эти бедолаги доберутся до его земель, а там уж не пропадут.

– Соберём... – отозвалась старуха, глядя на него с благоговейным ужасом. – А я вот гуся думала... Для вас, ваша... светлость...

– Гусь – это хорошо, – кивнул Аластор и повернулся к итлийцу, молча слушающему их разговор. – Фарелли, отдайте доброй женщине, что у вас там, и пойдёте со мной.

Он вышел на улицу, оглядел мёртвую деревню, передёрнулся и обернулся к неслышно подошедшему наёмнику. Глубоко вдохнул и выдохнул, а потом глянул в чуть прищуренные внимательные жёлто-зелёные глаза.

– Синьор Фарелли, есть одно дело. Приказывать в нём я не могу, поскольку ни вас, ни поручения королевы оно не касается. И дело, честно говоря, премерзкое...

Он невольно глянул в ту сторону, куда они с итлийцем вчера отволокли трупы старосты и его дочери. Потом посмотрел вдаль по улице. Десятка три домов! И в каждом непогребённые тела. Души, положим, Айлин отпустила, но всё равно это неправильно! Когда ещё сюда доберутся люди, узнав, что случилось с деревней? И всё это время тела будут гнить, источая зловоние и приманивая заразные болезни. А если ещё нежитью встанут?!

Фарелли проследил за его взглядом и с удивительной проницательностью заметил:

– Мы ведь не сможем их всех похоронить, м? Копать могилы – занятие долгое.

– Я думаю об огненном погребении, – признался Аластор. – Собрать все тела в одном доме и... Даже если огонь перекинется на остальные, ничего страшного. Пусть хоть вся деревня выгорит – чище будет на этом месте. Но один я не справлюсь, а просить мне больше некого.

– Перчатки нужны, – деловито сказал Фарелли, снова оглядывая безмолвные жуткие дома. – Хорошие прочные перчатки. Трупный яд – отвратительная штука! Одна незаметная царапинка – и не всякий маг-целитель спасёт, а у нас их и вовсе нет под рукой. Куда носить будем? Дом нужен попросторнее.

– Так вы согласны? – с облегчением выдохнул Аластор. – Фарелли, мне, право, неудобно!

– Благородный синьор Вальдерон, – улыбнулся итлиец. – По моему скромному опыту «неудобно» – это когда вы только легли с дамой, а тут её муж вернулся. Исключительное неудобство может получиться! Особенно, если у неё балкона нет! А в вашей просьбе всё вполне разумно, потому что таскать покойников парой гораздо удобнее, чем в одиночку. Но перчатки! Непременно перчатки! Чужие, чтобы сжечь их потом. И лицо чем-то замотать надо. А потом, пожалуй, придётся нагреть воды и вымыться, потому что к концу работы от нас так будет смертью нести – лошади к себе не подпустят.

– Вы совершенно правы, – ошеломлённо кивнул Аластор.

К благодарности за то, что Фарелли так легко согласился, примешивалось изумление, как быстро итлиец сообразил, что им понадобится. Словно всю жизнь трупы таскал! Хотя он же наёмник... И очень опытный, похоже. Стоит поблагодарить её величество Беатрис при встрече за такую услугу.

Мысли о королеве никакого удовольствия не доставляли, но помогли немного отвлечься от того, что им предстояло. Фарелли исчез и примерно через четверть часа вернулся с двумя парами кожаных перчаток. Ещё итлиец принёс два простых полотняных платка, одним из которых сноровисто замотал себе лицо. Аластор старательно его скопировал. Отец всегда говорил, что если человек умеет что-то делать лучше тебя, стоит у него поучиться!

А потом они начали, и Аластору показалось, что он при жизни попал во владения Баргота. Как-то вот так он их и представлял. Не кипящие котлы с душами, не ледяные пустыни, а тяжёлая тошнота от непрерывной мерзости, которая никак не заканчивается. Они носили тела мужчин и женщин, стариков и детей. Окровавленные, разодранные на куски, что свешивались до земли, с изуродованными лицами, которые уже тронуло разложение. Грязная кровавая одежда не скрывала ничего, и Аластору пришлось мгновенно забыть стыд перед чужой наготой. Впрочем, испытать что-то, кроме отвращения и тягостного сочувствия, он всё равно не смог бы.

Тела, тела, тела... Они стаскивали их и складывали в дальней комнате дома старосты, потом, когда свободное пространство на полу закончилось, и покойники лежали омерзительной грудой, перешли в другую комнату. Третья осталась почти свободной.

Аластор хотел вытереть лоб, покрытый гадким холодным потом, но вовремя опомнился. Подошёл к колодцу...

– Не надо! – окликнул его Фарелли. И со вздохом добавил: – Там тоже тело, меня вчера предупредили. Но его мы вряд ли сможем вытащить, да и вода всё равно испорчена.

– Надо, – буркнул Аластор, сдирая мешающую повязку с лица.

Холодный свежий воздух обжёг кожу, и сразу почувствовалось, что он действительно пропах смертью, как метко выразился итлиец. У этой смерти был запах крови, грязи, страха и отчаяния. Ну и гнилой плоти уже, разумеется.

– Надо, – повторил он упрямо. – Не знаю, станут ли здесь жить люди, но путники могут заехать. Или кто-то приедет из города, чтобы разобраться. Да и Всеблагая Мать гневается на тех, кто оставляет родники и колодцы отравленными. Это... неправильно. Пусть это не моя земля, но я должен сделать для неё то, что могу.

– Я же не спорю, синьор, – мягко сказал итлиец. – Просто не понимаю, если честно, как вы собираетесь это устроить. Прошла почти неделя. Тело этой несчастной уже очень, очень плохо выглядит. Его не верёвкой, а сетью доставать надо, иначе на куски распадётся.

– Значит, сетью достанем, – выдавил Аластор.

Представил, что там плавает в тёмной ледяной воде, и его затошнило. Но если взялся – отступать нельзя. Нет, можно, если ты вдруг сам понял, что был неправ! Но не потому, что решил – и не справился.

– Синьор, надеюсь, вы не собрались туда лезть? – ещё мягче, почти вкрадчиво поинтересовался Фарелли. – Восхищаюсь вашей отвагой, но прошу этого не делать. Умоляю!

– Иначе – что? – огрызнулся Аластор. – Как вы меня заставите передумать?

В глазах Фарелли промелькнуло что-то нехорошее, словно он всерьёз прикидывал, получится ли дать строптивому спутнику по голове, например. Точно такой взгляд был у шулера, которого Аластору месьор д'Альбрэ однажды показал в кабаке. Очень выразительный взгляд, быстрый и оценивающий. Аластору даже захотелось сделать пару шагов назад. Но там как раз и была каменная кладка колодца.

– Заставлять вас? Ну что вы? – одними губами улыбнулся итлиец, а глаза у него вдруг стали непроницаемыми. – Если вам непременно хочется спуститься в этот барготов колодец, я вряд ли смогу вам помешать. Подумаешь, вода, в которой уже неделю настаивается труп, отравляя её! У вас ведь наверняка на теле ни малейшей царапинки после вчерашней драки, правда? А если даже вы свалитесь в лихорадке и не сможете продолжить путь, у Дорвенанта найдётся ещё дюжина принцев, чья кровь способна закрыть дыру к Проклятому. Не так ли, м?

– Чтоб вас, Фарелли! – с бессильной злостью сказал Аластор, понимая, что проиграл. – Ладно, я болван! Но я не могу просто уйти и оставить...

– Ал?

Они разом повернулись на голос Айлин – Аластор, до боли сжимающий кулаки, и невозмутимый внешне итлиец. Магесса неуверенно улыбнулась и сделала к ним шаг. Перевела взгляд на колодец, нахмурилась.

– Что случилось? – спросила она и потёрла лоб ладонью. – Я чувствую... некротические эманации. Такие сильные!

– Это от дома, наверное, – виновато сказал Аластор. – Мы решили сжечь в нём трупы. Все тела, что нашли.

– Ну и правильно, – кивнула Айлин и опять глянула на колодец. – А там – тоже тело? Его ведь нужно вытащить, я верно понимаю?

– Именно, прекрасная синьорина, – поклонился итлиец и подлю выдал Аластора: – И потому наш отважный синьор собрался туда спуститься.

– Зачем? – поразились Айлин. – Ал, это же опасно! А я уже отдохнула. Покойник сейчас сам вылезет, на это у меня сил хватит.

– Сам? – с трудом выговорил Аластор, а Фарелли заметно побледнел.

– Ну да, – кивнула магесса. – Конечно, я не буду призывать душу! Просто анимирую его на время. Это совсем другое! Всё равно, что куклу сделать. Знаете, бывают такие куклы на верёвочках! Итлийские, кажется.

– О да... – со странным выражением лица согласился Фарелли. – Марионетти. Наша любимая... забава. С людьми так тоже можно?

– С живыми – нет. Я ведь не белый маг, чтобы управлять разумом. А тело – это просто тело. И помолчите, – нахмурилась синьорина. – Это сложно, мы ещё этого не проходили. На обычных занятиях, я имею в виду.

Она осеклась, и Аластор заподозрил, что здесь опять не обошлось без блистательных лордов Саймона и Дарры. Может, стоит поговорить с ними? Некромантам, конечно, виднее, чему учить Айлин. Однако если они дают ей запрещённые или преждевременные знания... Вдруг это опасно?!

Он думал, что Айлин будет чертить звезду, как вчера, призывая Претемнейшую, но она просто достала кинжал и написала что-то в воздухе его остриём, не вынимая из ножен. Письмена на миг вспыхнули густо-фиолетовым и тут же погасли. А на лбу Айлин выступил пот. Не отрывая взгляда от колодца, она протянула к нему другую руку, пошевелила пальцами...

У Аластора мороз прокатился по спине. Это была его Айлин, родная, милая, и в то же время что-то совершенно чужое смотрело из её глаз. Древнее, зловещее, опасное. Впервые в жизни он понял, почему некромантов боятся.

Губы Айлин шевельнулись, и вдруг над колодцем что-то показалось. Тёмная масса поднялась ещё раз, и Аластор понял, что это волосы. Макушка, полурасплетённые косы, одутловатое лицо с тёмными пятнами и слепыми мутными глазами. Мёртвая женщина выбиралась из зева колодца, как нелепая жуткая кукла, Айлин смотрела куда-то мимо неё, покачивая пальцами. Аластор отступил, услышал рядом и немного позади шумный выдох итлийца. Тошнота подступила к горлу, и он сдержал её немыслимым усилием. А ещё думал сам лезть в колодец!

Покойница неуклюже перевалилась через край каменной кладки и грязной скользкой кучей осела на землю. И тут же Айлин всхлипнула и бросилась к забору, зажимая рот ладонью, а спустя мгновение оттуда послышались кашляющие звуки.

Аластор сглотнул, не представляя, как вообще взять вот это! Не за ноги и плечи ведь, как прочих мертвецов?!

– Схожу за рогожей, – раздался бесцветный голос Фарелли, и Аластор преисполнился к нему почти восторженного уважения. – Где-то я видел достаточно большой кусок.

Потом они молча мылись водой, которую Аластор притащил от ручья – сразу два больших кожаных ведра. Айлин подогрела её в кадushке магией, и Аластор отправил итлийца отмыться первым, а сам сходил к ручью ещё раз – пары вёдер им бы явно не хватило. Фарелли накапал в воду какого-то зелья с резким травяным запахом, и только тогда Аластору полегчало, а тошнота отступила.

Они даже поели гусятины, которой хватило на всех, потому что Грета сварила большой котелок вкуснейшей пшённой каши с птичьим мясом. Дети ели, настороженно поглядывая на чужаков, и только младший снова прилип к Аластору, вцепившись тонкими пальчиками в отворот его сапога.

– Дани, перестань! – прошипела Грета, но Аластор её остановил.

– Пусть посидит, – сказал он, роняя ладонь на голову мальчишки. – Дани... Даниэль, значит? Я запомню.

А потом вдруг оказалось, что пора, причём всем. Грета с детьми вышла из своего дома, неся за спиной мешок с какими-то скудными пожитками, и Фарелли сорвался с места. Влетел в дом старосты, возле которого Айлин с мрачным лицом перебрасывала с ладони на ладонь огненный шар размером с крупное яблоко, и пропал в нём на несколько минут. Выбежал и сунул в руки Грете кожаный мешочек, пояснив то ли спутникам, то растерянной старухе:

– Староста собирал налоги. В тайнике были.

– А откуда вы его тайник узнали? – изумился Аластор.

Итлиеc посмотрел укоризненно, почти обиженно, словно нет ничего естественнее, чем в незнакомом доме, полном мертвецов, быстренько найти тайник с деньгами и выскочить оттуда, даже не запачкавшись. Словно по воздуху летел, котьяра брезгливый!

– Это же крестьяне! – снизошёл он до объяснений. – Всегда или под стрехой прячут, или в подвале. В этот раз повезло, что вниз не пришлось лезть. Ну, во имя Благих!

Айлин резко кивнула и запустила в соломенную крышу дома огненный шар. Упав на потемневшую кровлю, тот покатился пылающим клубком, посыпались искры, загудело мигом взметнувшееся пламя. Фарелли улыбнулся, и в его кошачьих глазах заплескали отблески.

Грета молча поклонилась, а потом пошла по улице вверх, к выходу из деревни и тому холму, где вчера они отбивались от демонов. Прямая, высокая и похожая на высохшее дерево, мёртвое, но всё ещё очень прочное. Трое мальчишек семенили рядом с ней, держа друг друга за руки. Подсадив Айлин, Аластор взлетел на Искру, и рядом тут же оказался в седле своей гнедой Фарелли, держа вторую в поводу.

– Подождите! – сказала вдруг Айлин.

Достав из седельной сумки потрёпанную тетрадь очень старого вида, она с превеликой осторожностью вырвала из неё пол-листика. Вытащила из ножен кинжал и остриём начертила на листке пожелтевшей бумаги несколько слов, которые тут же потемнели, словно выведенные чернилами. Держа листок в руках, пустила Луну с места в галоп, и озадаченный Аластор последовал за подругой вместе с Фарелли.

Айлин же, доехав до столба, отмечавшего границы деревни, ладонью прищёпнула к нему бумажный клочок, и тот врос в потемневшее дерево, словно выжженное клеймо.

– Я, Айлин, ад-деп-тка... – с трудом прочитал подъехавший Фарелли.

– У меня ужасный почерк, – почему-то очень грустно улыбнулась магесса. – Но те, кому нужно, разберут. Это отчёт некроманта о сделанной работе. Деревня чиста, все души упокоены, и я ручаюсь за это своим именем. Только мне всё равно не поверят, – добавила она со вздохом. – Я же на шестом курсе... была. Упокоить столько душ разом! Точно не поверят! Проверять будут. А здесь и следов нет, я же сама не понимаю, как их отпустила! Решат, что наврала из хвастовства.

– Так, может, не оставлять этот отчёт? – осторожно поинтересовался Аластор, однако глаза Айлин гордо и тоскливо сверкнули.

– Нет уж! – отрубил она. – Я сделала своё дело честно, и стыдиться не собираюсь! А кто не поверит – может обращаться в Претёмные Сады за подтверждением!

– Отчего-то мне кажется, – кротко заметил Фарелли, – что всем сомневающимся достаточно будет проехать через во-он тот холмик. После чего сомнений в силах грандсиньорины у них поубавится.

– А если не поубавится, мы засвидетельствуем, – пообещал Аластор. – Ну что, едем?

Он в последний раз глянул на граничный столб, где темнело магическое клеймо, и послал Искру в быстрый аллюр.

* * *

К небольшому озеру они подъехали на закате. Лучано по-прежнему чувствовал себя в лесу отвратительно беспомощным, поэтому не сразу сообразил, куда кинулся, проламывая кусты, Пушок. Только потом в нос ударил запах воды и сырой травы. Затем послышалось возмущённое криканье, резко оборвалось, и стало ясно, что на ужин – печёная утка. Эх, апельсинов нет! Да что там апельсины, хоть бы несколько яблок и стакан вина!

Он сглотнул слюну, с удивлением чувствуя, что проголодался. Вот что значит вторая неделя без фокачки и булочек с корицей к завтраку. Вторая? Или уже третья? А кажется, что прошло уже несколько лет, как улицы Верокки остались где-то в немыслимой дали. Здесь, в глубине холодного и неприветливого дорвенантского леса, не верилось, что существует залитый солнцем город, где пахнет апельсинами, а тёплая вода серебрится под ажурными мостами...

Ехавший впереди по узкой тропе Вальдерон восхищённо присвистнул, следом восторженно ахнула магесса, и, наконец, Лучано увидел гладь озера. Тёмную, почти непрозрачную и окаймлённую бархатной зеленью травы, будто драгоценное, но очень старое зеркало в такой же старинной медной раме, позеленевшей от времени.

Ветви деревьев, подступивших к самому озеру, свисали над ним, затеняя воду, стебли камыша у дальнего берега казались мазками серебряной краски на чёрном опале, и если бы альвы до сих пор жили где-то, кроме острова Альба, Лучано мог бы поклясться, что это озеро – одно из их любимых владений, такая молчаливая, чарующая и почти жуткая красота царила вокруг.

Но вот тишину опять разорвало криканье, а потом кусты неподалёку заколыхались, и оттуда выломился Пушок с уткой в зубах. Принёс её к лошади Айлин, положил и, вильнув хвостом, убежал снова, чтобы вернуться через пару минут со второй. Несмотря на весну, утки были толстенькие, и Лучано подумал, что в озере должна водиться рыба. Знать бы ещё, как её ловят! Здесь в его блестящем образовании был досадный пробел, как и во всём, что касалось добывания насущной пищи мирными путями. Вот приготовить уже принесённую кем-то на кухню свежайшую рыбку – это бы он запросто!

– Исккупаться можно будет! – совершенно счастливым голосом проговорила рядом магесса. – И Пушка вымыть!

– Да и лошадям не помешало бы, – немедленно согласился бастардо.

Кто о чём, а Вальдерон о любимых лошадках. Лучано вот много чего дал бы за пару свежего белья, а придётся стирать. Причём самому! Зато теперь он точно узнает, как моют волшебных волкодавов. Грязь на спине и морде Пушка засохла и отвалилась, но пузо и лапы свалились в неприглядные серые жгуты, так что синьор Собака в мытье нуждался чрезвычайно.

– Устроим привал прямо здесь? – окликнул Лучано Вальдерона.

– Лучше отъедем немного, – предложил тот. – Иначе, как стемнеет, нас комары живьём съедят. Хотя они и так съедят, наверное...

– С этим обещаю помочь, – улыбнулся Лучано. – У меня найдётся немного гвоздичного масла, а всякая кровососущая дрянь его боится. Но палатку и правда лучше ставить подальше от воды. Сыро же.

Магесса, всё это время с вожделением глядевшая на воду, согласилась, но тут же выговорила себе право купаться первой. Потому что ей ещё волосы сушить нужно! И с таким забавно-умоляющим видом посмотрела на Лучано, что всё стало ясно без слов, а его словно погладили по спине мягкой, тёплой и пушистой лапкой. Снова запустить руки с гребнем в эту роскошную рыжую копну? О да! Всеблагая Мать, благодарю тебя за столь щедрую милость!

Они вернулись немного назад по тропе, потому что как раз перед озером проехали чудную полянку. Вальдерон расседлал лошадей, уже без всяких вопросов и предложений занявшись кобылами Лучано вместе со своими, потом ушёл за дровами, а Лучано быстро разжёг костёр из того, что смог собрать прямо на поляне. Магесса, свистнув Пушка, отправилась к озеру, и вскоре оттуда послышался её звонкий смех. Лучано прислушался, удивляясь, как далеко разносятся звуки в лесу. В городе их приглушают каменные стены домов, а здесь кажется, что озеро совсем близко, хотя до него не одна сотня шагов.

Он ошипал и разделал обеих уток, натёр их толчёными травами и пряностями, с грустью убедившись, что запасы приправ тают на глазах, подкинул хвороста в огонь. Оглянулся в сторону озера. Просто так, на всякий случай! Мало ли что!

Пока утки готовились к жарке, вырезал несколько прутьев, на которые будет насаживать мясо, перебрал рубашки и прочее бельё, прикинул, где их потом развесит... Сделал смесь для шамьета, осталось только воды поставить. Воды, вот! Разумеется, ему нужна вода! Ужин приготовить, да и руки сполоснуть бы от перьев и крови. Потом это всё засохнет, придётся оттирать... Лучано закусил губу, борясь со смехом. Ну и кого он обманывает? Нет, воды, конечно, набрать надо, но...

Да ладно, кому будет хуже от подобной малости?! Он ведь уснуть не сможет, зная, что упустил такой случай! Единственный! Лишь бы синьорина не заметила, а то запустит какой-то магической жутью в кусты на шорох – и доказывай, что ты не демон!

Взяв котелок, он дошёл до озера, но перед самым берегом свернул в густые заросли орешника. Тонкие ветви послушались легко, с какой-то даже подозрительной готовностью. Лучано сделал единственный шаг вперёд, мягкий и плавный, словно на задании. Выглянул в прореху между листьями и замер, едва дыша от восторга.

Всеблагая Мать! Как есть она! Главную площадь Верокки уже двести лет украшает фонтан работы величайшего Джакомо дель Арбицци, прозванного Прядильщиком мрамора. Единственного, кто умел ваять, превращая тяжёлый камень в подобие полупрозрачного шёлка, покорного и нежного. А Всеблагая Мать в облике «Весны» – его лучшая работа. Лучано сам не помнил, сколько раз ею любовался. Да что там! Лет в тринадцать-четырнадцать ему достаточно было сбегать на площадь и посмотреть на «Весну», чтобы потом всю ночь изнывать в томных жарких грёзах, которые неизменно заканчивались неловкостью за мокрые простыни.

Но «Весна» дель Арбицци была неподвижна! Совсем юная девица, стройная, как цветок на длинном стебле, но обещающая пленительно распуститься совсем скоро. Небольшая округлая грудь совершенной формы, увенчанная остренькими бутонами, тонкая талия, почти плоский животик и плавные линии бёдер, переходящие в стройные длинные ноги. Она ступала в воду фонтана, лукаво улыбаясь, придерживая одной рукой собранные на затылке длинные волосы, протянув другую вперёд, словно опасаясь, что волна раньше срока лизнёт колени. О, эти ямочки под её коленями! Тонкие ключицы! Точёные лодыжки и щиколотки, на которые можно смотреть часами, даже не прикасаясь...

Если бы Лучано спросили, он бы поклялся чем угодно, что в мире нет женщины прекраснее, чем «Весна». Именно потому, что живой такой быть не может! Всем известно, что дель Арбицци ваял девичье воплощение Всеблагой, собрав семь прекраснейших натурщиц!

Лицо, тело, волосы – каждая принесла мастеру лучшее, что имела. И когда он закончил, сама Всеблагая пришла к настоятелю своего храма во сне и велела воздать мастеру великую честь, потому что он изобразил её прекраснее, чем она есть на самом деле.

Сколько раз «Весну» хотели купить у Верокьи! Сколько раз пытались отнять силой! Богатейший род Риккарди, предки королевы Беатрис, чтоб ей не уснуть без кошмаров, предлагали выкуп в сто золотых каждому жителю города. Сто! Бедняку хватит на всю жизнь! Но тогдашнего дожа Верокьи, который согласился на это, разгневанные жители выволокли из дворца и выпороли прямо возле фонтана, а потом с позором изгнали из города! Вот что такое «Весна»...

А сейчас девушка, словно покинувшая фонтан, со смехом плескалась в чернильной воде озера, озарённая лунным светом. Белоснежный мрамор обнажённого тела, тёмные от воды волосы, где рыжина скорее угадывается, чем видна на самом деле, лицо... Вот лицом синьорина Айлин была не слишком похожа на «Весну». Конечно, иначе Лучано заметил бы это гораздо раньше! Черты другие, разрез глаз и форма губ... Но посадка головы! Но этот жест, которым она откинула волосы, что упали ей на грудь мокрыми жгутами! И линии тела – те же самые! Юная женственная красота, ещё не сознающая всей своей силы, но уже зовущая к себе так, что не устоять.

Огромный белый пёс носился вокруг неё по мелководью, плескался, бил лапами, поднимая облако сверкающих брызг, и Лучано сглотнул, чувствуя, что рот и горло пересохли. Он словно оглох и ослеп ко всему, кроме увиденного, и только этим можно было объяснить то, что случилось несколько мгновений спустя.

– Фарелли, я вам голову оторву! – раздался яростный шёпот, и мощная рука легла на плечо Лучано, стиснув его до боли. – Вы с ума сошли! Позорить... её?!

Лучано встряхнул упомянутой головой, не сразу сообразив, что нужно бастардо. Только испытал досаду, что ему мешают. А потом так изумился, что вместо оправданий не менее возмущённым шёпотом возразил, не оборачиваясь:

– Это вы с ума сошли! Да как бы я осмелился! Подумать неприличное... Да о ком угодно, только не о ней! Она же... вылитая Всеблагая! Всеблагая мать в облике Весны! Ради всех богов, неужели вы в этом своём Дорвенанте совсем не умеете ценить красоту?! Она же... совершенство! Чистая нежная прелесть! Да я даже не думал ни о чём таком, пока вы... Вы! И уберите руку, синьор, чтоб вас! Никогда, слышите... Никогда так не подходите к человеку, если не собираетесь его убить!

Его тряхнуло от запоздалого стыда за то, что позволил кому-то просто подойти к себе сзади. Он, Шип! Этому дорвенантскому медведю с сотней благородных предков, или сколько их там у него! Да если бы не это... эта... не чудо, что плещется в зачарованном озере! Вот сработало бы тело раньше головы, прыгнул нож в руку и...

– Это нечестно, – так же тихо, но уже без возмущения сказал бастардо, явно ошеломлённый его напором, и убрал руку. – Слушайте, я понимаю ваш... э-э-э... итлийский характер, но смотреть на девушку без её позволения недопустимо!

– Вот и не смотрите! – с наслаждением отрезал Лучано, слегка повернувшись и поняв, что Вальдерон в самом деле старательно отводит взгляд от картины в озере. – Вы человек благородный, вам нельзя. А я простолюдин. И развратный итлиец к тому же. Мне можно всё!

Фыркнул, приходя в себя, с огромным сожалением отвернулся и уныло добавил:

– Ну что вы за человек такой, а, синьор? Я ведь и правда без всяких грязных помыслов, клянусь Всеблагой.

– Верю, – бросил бастардо. И добавил совершенно серьёзным тоном: – Только поэтому голову и не отрываю. Айлин мне как сестра, ясно? И подглядывать за нею я никому не позволю даже из самых... благочестивых помыслов.

– Не повезло вам тогда, синьор, – посочувствовал Лучано. – Иметь такую сестру, о которой даже мечтать нельзя! Ладно, как скажете.

А потом добавил с расчётливой мстительностью:

– Ну, раз она вам как сестра, никаких разговоров быть не может, верно? А я-то хотел рассказать вам про веснушки...

– Какие веснушки? – процедил бастардо.

– Маленькие, – с нежной вкрадчивостью уточнил Лучано. – Золотистые такие, просто ах! Неужели вы никогда не задавались вопросом, где они ещё у синьорины Айлин, кроме лица? М-м-м?

Он ловко увернулся от Вальдерона и, смеясь, выскочил из кустов.

– Фарелли! – умудрился рявкнуть бастардо шёпотом. – Вы же не могли! Не могли их разглядеть.

– Как скажете, синьор, – весело согласился Лучано, отступая по тропе спиной назад и зорко глядя за возмущённым дорвенантцем. – Нет-нет, никаких разговоров! Я чту добродетель синьорины Айлин и вашу заодно! Всем сердцем! Кстати, вы ведь принесли дрова? Утки уже готовы стать нашим ужином!

– Ну вы и мерзавец! – почти восхищённо простонал Вальдерон. – Никакого стыда! Правильно я подумал, что вы кое на кого похожи.

– О-о-о! – заулыбался Лучано. – И на кого же? Может, обменяемся секретами, м?

– Нет! – отрезал Вальдерон с не меньшей мстительностью. – Идите уже, занимайтесь утками! И я надеюсь, что когда пойду купаться, в кустах вас не будет.

– Один-один, – поклонился Лучано как мог изящно. – Не извольте беспокоиться, синьор. И советую не задерживаться здесь слишком долго, иначе за бесстыжего мерзавца примут уже вас.

Вальдерон что-то фыркнул позади, но Лучано уже нёсся по тропинке, перейдя с шага на бег. Ему казалось, что сейчас он мог бы добежать до самой Верокьи! Что-то горячее и острое жгло внутри, колотилось, будто вместо одного сердца в груди разом забились дюжина. Он с удивлением думал, как был неосторожен. Да с чего из него вообще пошёл эта хмельная насмешливая дерзость? Быть пойманным на подглядывании за благородной девицей и вместо почтительных извинений начать огрызаться!

Бастардо ведь мог его выгнать! Что там выгнать, в Верокье за подобное благородный синьор велел бы слугам запороть наглого простолюдина насмерть, и все приняли бы это как должное! Положим, сейчас у них в отряде иное положение, но всё-таки... Да уж, втёрся в доверие по приказу королевы, нечего сказать!

Он хотел приложить ладони к пылающим щекам, и только сейчас понял, что руки всё ещё грязные, да и воды в котелок не набрал. Как пришёл с пустым, так и убежал. Это оказалось последней каплей. Лучано уже шагом вступил на поляну, бросил злосчастный котелок на землю, полил себе на руки остатками воды из фляги и принялся насаживать куски утки на прутья.

Глупо, как же глупо всё вышло! И надо же было напороться на столь добродетельного синьора! Другой встал бы рядом полюбоваться. Ну, или выгнал бы Лучано, чтобы простолюдин не позволял себе лишнего, но остался сам. Этот – пари держать можно! – подглядывать не станет. Как сестра, ага. То-то в глазах бастардо порой такое собачье выражение, когда он украдкой поглядывает на синьорину. Неужели сам не понимает?!

А перед глазами стояло сияющее видение посреди чёрной глади ночного озера. Лучано скрипнул зубами. И вот эта вот девчонка... нежная и милая, добрая, умеющая улыбаться так, что невозможно не улыбнуться в ответ, храбрая, как сотня пьяных гуардо... Её просто не станет через несколько дней. Не станет! И никогда больше не будет в этом мире!

Да, конечно, её душа отправится в Претёмные Сады и когда-нибудь опять вернётся в этот мир в другом теле. Но это уже будет не она! Если через сотню-другую лет она встретит Лучано, который тоже перестанет быть собой, они не узнают друг друга! Да и встретятся вряд

ли. Известно, что судьба сталкивает снова только те души, которые оставили слишком глубокий след в прошлой жизни. Несчастливые возлюбленные, смертельные враги, лучшие друзья или любимые, не успевшие выучить какой-то важный урок, данный богами... Это уж точно не про Лучано! Кто он такой для синьорины Айлин? Даже не убийца, потому что магесса всё уже решила для себя сама!

Он пристроил прутья над углями, едва сдерживаясь, чтобы делать это с должной аккуратностью. Ох, как же правы были наставники, говоря, что Шип никогда и ни в коем случае не должен думать о клиенте, как о живом человеке! С того момента, как взят заказ, жертва уже мертва, даже если ещё дышит и ходит.

Но ведь раньше так и было! Лет пять назад мастеру Ларци заказали молодого дворянина, сверстника Лучано. Парень как раз праздновал двадцатилетие. Шумно праздновал, с размахом! Пристроившись к развесёлой компании, Лучано три дня таскался вместе с ними по кабакам и борделям, пил и ел за счёт клиента, тискал оплаченных им гулящих девок, смеялся шуткам именинника и вместе с остальными клялся ему в вечной верности... А потом, улучив, наконец, момент, капнул в его стакан содержимое крошечного флакона, дождался, когда клиент выпьет, и остался в очередном публичном доме, когда все двинулись дальше.

Через несколько часов, когда про Лучано давно забыли, именинник упал мёртвым – и трое отличных целителей, которым заплатил безутешный отец, поклялись репутацией, что это следствие слабого от природы сердца и невоздержанности в забавах. Чистая работа. И ведь ничего даже не дрогнуло, хотя парень был славный. Весёлый такой, щедрый... Но Лучано смотрел на него и видел полторы тысячи серебряных скудо, половина из которых уже заплачена вперёд.

Сейчас-то что изменилось?! Ну да, синьорина Айлин тоже мила... А ещё она ухаживала за Лучано во время болезни. Стирала для него. Избавила от призрака Алессандро, побори его Баргот. Позволила называть себя по имени... Но разве всего этого достаточно?!

Да он даже спасти её не может! Приди ему, младшему мастеру Шипов, такая дурная блажь, он не может схватить её в охапку и утащить в Итлию, а лучше куда-нибудь подальше – она просто не позволит! Ей обязательно надо спасти эту жуткую страну! И бастардо, который, которого... с которым тоже всё сложно, если говорить откровенно! Лучано никогда и никому не был обязан жизнью, кроме мастера Ларци, а Вальдерон вытащил его из реки, да ещё и за лекарствами ездил. Ага, и по нужде сходить помогал. Правда, Лучано вернул ему часть долга на холме, но... Претёмная, как же всё это глупо, сложно, неправильно!

Последний предмет его мыслей появился на поляне, когда утка уже начала подрумяниваться, и запах от неё поплыл одуряющий. Бастардо бросил возле костра охапку сучьев и присел не напротив, а немного в стороне, чтобы пламя не светило в глаза, из чего Лучано сделал вывод, что с ним собираются поговорить. Ну, хотя бы перед тем, как попытаться набить морду, чему он бы не особо удивился.

– Послушайте, Фарелли, – начал дорвенантец на удивление мирным голосом. – Я вас, в общем-то, не виню. Айлин... Она прекрасная девушка! Просто невероятная! И я понимаю, что ею легко увлечься. Да что там, ею просто невозможно не увлечься! Я, конечно, не себя имею в виду... А так, вообще!

– Да, синьор, – очень вежливо отозвался Лучано, наклоняясь к костру и переворачивая пруттик над углями.

Ну, разумеется, «вообще»! Конечно-конечно!

– Но вы же понимаете, что она вам не пара?

Вальдерон имел такой сконфуженный и одновременно упрямый вид, что Лучано стало почти смешно. То есть непременно стало бы, не будь на душе так мерзко. Бастардо решил, что он просто увлёкся синьориной. Да если бы! Будь это обычное желание покувыркаться с красивой девицей, Лучано улучил бы время и попытался добиться своего. Не силой, Всеблагая Мать

упаси! Но попробовал бы непременно. В конце концов, что магессе терять? А близость смерти кружит голову... Так нет! Он понятия не имел, как назвать то, что чувствует при мыслях о синьорине Айлин и в её присутствии, но желание там стояло на последнем месте. Хотя после сегодняшнего вечера...

– Я понимаю, синьор, – повторил он тем же безупречно учтивым тоном. – И приношу искренние извинения за то, что позволил себе. Надеюсь, это... может остаться между нами?

– Ну, Айлин я точно ничего рассказывать не стану. – Бастардо запустил пальцы в и без того взлохмаченные светлые волосы, растрепав их ещё сильнее. – Только потому, что ей будет неловко! Вы не понимаете, какая она! Если Айлин иногда позволяет себе... вольности... Или ведёт себя слишком... просто для леди... Так это потому, что она даже подумать не может о плохом или недостойном. Но она не просто магесса, она леди из Трёх Дюжин, а это лишь на ступеньку ниже королевского рода.

– Это многое объясняет, – бесстрастно согласился Лучано.

Действительно, не будет же столь высокородная дама, хоть и юная, стесняться слуги? Всем известно, что простолюдины – это вещи, только умеют ходить и говорить. Может быть, в этом всё дело? Магесса видит в нём что-то вроде... Пушка? Вот и балует, как ещё одного ручного зверя? А, да что об этом думать!

– Наша утка пахнет на весь лес! – раздалось вдруг звонко, и на поляну выскочил сначала Пушок, блистающий белизной от ушей до лап, а следом вышла синьорина Айлин, на ходу отжимая мокрую рыжую копну. – Господа, озеро в вашем полном распоряжении! Представьте себе, там вода тёплая! Ну, почти тёплая... Но всё равно, дивное место, как будто сама Всеблагая благословила. А что у вас такие лица? Что-то случилось?

– Нет, ничего, прекрасная синьорина, – безмятежно улыбнулся Лучано, поднимаясь. – Погодите сушить волосы, я сейчас возьму гребень и уложу их. Вы ведь позволите несравненное счастье снова послужить вам горничной, м?

Магесса прыснула и присела на пенёк у костра, сложив руки на коленях и идеально выпрямив спину. Такие, как она, впитывают манеры с молоком матери. Лучано взял любимый гребень из сандала, привезённый с собой из Итлии, встал за спиной синьорины и принялся разбирать тугие влажные кольца, не поднимая взгляда на Вальдерона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.